

Кристи Майерс

ИЛСИЛЕНЗИО

фиалки не молчат

Кристи Майерс

Илсилензио. Фиалки не молчат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28067070

ISBN 9785449007858

Аннотация

Вы держите в руках не просто книгу, это – игра. Если вы в ней побеждаете – получаете исполнение любого желания. Если проигрываете – становитесь пленником книги. Но как же ее пройти? Ведь единственным победителем за всю историю существования книги был лишь один человек – немая девушка, поглощенная тяжелой депрессией, которая давно перестала верить в чудеса.

Содержание

Ознакомление,	5
Действие первое	10
Глава 1	15
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	37
Глава 5	41
Глава 6	47
Глава 7	53
Глава 8	59
Глава 9	63
Глава 10	68
Глава 11	74
Глава 12	85
Глава 13	92
Глава 14	99
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Илсилензио

Фиалки не молчат

Кристи Майерс

© Кристи Майерс, 2017

ISBN 978-5-4490-0785-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ознакомление, или Просто «Привет»

Каждый знает, чтобы получить желаемое, нужно либо добиться всего самому, либо пойти на риск или чем-нибудь пожертвовать. А если ты совершил ужасную ошибку, то заплатишься за это, пока не исправишь содеянное. Обычно эта «плата» – совесть, пожирающая тебя изнутри, заставляющая тебя исправить ошибку, но иногда не все так просто. Если твой поступок оказался по-настоящему кошмарным, то вряд ли последствия пролетят мимо тебя. Тебя могут посадить в тюрьму, лишить самого дорогого тебе человека... Последствий может быть миллион. А как насчет заключения на долгий срок не в тюрьму, а, например, в книгу?

Да, звучит смешно, наивно, сказочно и нереально. Я тоже так думал. И знаю, что вы мне не верите, читая это. Но со мной ведь это произошло.

Я здесь, в книге, и я общаюсь с вами. Вы читаете этот текст, вы слышите мой голос. Я же, в свою очередь, не могу вас видеть, я ведь не сама книга, а обычный парень, который находится в ней, такой же человек, как и вы. Но зато я слышу ваши мысли, чувствую, как ваш взгляд скользит по буквам и словам, что мне очень приятно, ведь я пробыл в этой закрытой книге долгое время, не мечтая, что ее кто-то откроет.

Ой. Как неудобно. Я начал не с того. Что же вы сейчас обо всем этом думаете? Мне даже как-то стало неловко за себя. Вы, наверное, стоите сейчас в какой-нибудь библиотеке или книжном магазине с книгой в руках, удивленно уставившись в нее или оглядываясь по сторонам, проверяя, не видит ли кто-то вашего растерянного вида, и думаете про себя: «Что это вообще такое? Это точно книга? Что за ребенок это придумал? Он правда думает, что я куплюсь на сказанную им ерунду?» Да, я знаю, что вы так думаете, ведь ваши мысли в моих руках, пока открыта книга и вы это читаете. Надеюсь, я вас не очень напугал или смутил. Давайте по порядку.

«Илсилензио» не просто книга. В то же время это игра. Волшебная, но жуткая. Интересная и сказочная, но опасная и непредсказуемая. До вас до книги дотрагивались многие люди, которые с огромным энтузиазмом решили поучаствовать. Кто-то побеждал и получал свое, а кто-то проигрывал и оказывался плененным в книге, что и произошло со мной.

Но есть хорошая новость – из книги можно выбраться, и для этого нужно помочь следующему победить. Так что тебе повезло. Я буду вести тебя до конца, а от тебя ничего трудного не потребуются. Просто следуй нескольким правилам:

1. Не перелистывай раньше времени страницы, пропуская одну за другой.
2. Если хочешь дойти до конца, то слушай меня и доверяйся мне (это очень важно, многие сталкивались с этой про-

блемой).

3. Ни в коем случае не твори ничего противозаконного (пожалуйста, не убивай никого).

4. И главное – при любых обстоятельствах **оставайся человеком**.

Последние два слова в последнем пункте я произнес довольно четко, стараясь привлечь внимание именно на эти два слова. Возможно, от этого они перекрасились в жирный шрифт, я не знаю.

Большинство людей попали сюда именно из-за того, что нарушили этот пункт. «Почему?» – спросите вы. Думаю, можно перейти к самой сути игры.

Эта книга была создана для больных. Нет, не для тех, кто лежит в больницах, психушках или в своих уютных кроватях с градусниками. Она была создана для людей с душевной болью. Для тех, кто потерял смысл жить, смысл любить и думать о будущем. Для людей с душевными ранами, которые они не могут зашить уже долгое время, да и потеряли силы их зашивать. Для тех, кто потерял надежду, стремление к чему-то хорошему, веру во что-то лучшее.

Именно эти люди засыпают или даже не спят ночами, задумываясь всего лишь об одном желании, исполнение которого могло бы все изменить. Все изменить.

Для них и создана эта книга.

Через что людям нужно пройти? Эта игра учит. Эта игра учит больных встать на ноги и помочь не видеть мир сквозь

черные очки.

Игра заключается в том, что вы должны осознать и вспомнить те важные вещи, про которые однажды забыли, что и привело вас к этим страданиям, к этой пустоте внутри.

Вы сможете одержать победу, дойти до конца книги, если все осознаете. Если вы справитесь, сможете найти себя и однажды встретить утро с улыбкой на лице, проснуться человеком, полностью очищенным от плохих мыслей и ужасных суеверий, которые вы надумываете себе сами.

Все ведь просто. Я уверен, ты справишься. В противном случае ты лишь окажешься узником игры, пленником книги, и единственное желание, которое после этого будет тебя преследовать, – это надежда, что какой-нибудь человек снова откроет ее, решится начать играть.

Когда про страшную часть игры все сказано, я могу наконец-то перейти к хорошему. Что же за желаемый приз получает победивший? Ты можешь получить все, что захочешь, исполнение любой мечты, свершение которой трудно представить. Риск в том, что всего лишь одна маленькая ошибка или секунда может отделять тебя от исполнения твоей самой заветной мечты и заточения в книге.

По твоим мыслям я понял, что ты хочешь узнать побольше обо мне. Но это тебе ничего не даст, правда. Могу только сказать, что я Марк, мне 21 год. Нашел книгу у брата, пропавшего без вести. Оказалось, что мой брат очутился в ней. По правилам при моей победе я должен был получить ис-

полнение моего желания, а брат смог бы выбраться наружу. Все просто. Одна победа – две отличные новости, поэтому я с большим энтузиазмом начал игру, но есть одно но – я проиграл. В результате брат мой исчез безвозвратно в не изведанной мной тьме, а вместо него в книгу попал я. Слишком жестоко и трагично, я знаю.

Чего я пожелал? Я очень хотел вернуть свою девушку, погибшую по моей вине. Это было моим стимулом вернуть ее, поэтому я решил сыграть. Я не буду говорить, из-за чего все-таки попал сюда, чтобы не пасть в твоих глазах. Ведь ты моя единственная надежда, с которой я могу выбраться отсюда.

Хочешь секрет? Сложность игры в том, что побеждали в ней очень редко. А хочешь еще один? За всю историю существования книги в игре побеждал только один человек. Интересно? Я расскажу тебе об этом человеке, а вернусь к тебе позже, когда придет время. Моя миссия – довести тебя до конца, до истины; твоя – ее осознать. И пожалуйста, запомни, что теперь я твой друг. Возможно, ты последний человек, с которым я общаюсь, и, возможно, я последний для тебя. Не забывай это. Ты представить не можешь, насколько я в тебе нуждаюсь...

Действие первое

Не вздумай улыбаться. Оптимизм при апокалипсисе – признак сумасшествия.

Два месяца назад...

Дрожащими руками мужчина положил трубку на место, устремив свой взгляд вперед. Нервное дыхание смешивалось со звуком тикающих настенных часов, которые словно издевались, ожидая, что же он теперь собирается делать. Стоило ли ему молчать после того, как он завершил звонок, заметив, как его шестнадцатилетняя дочь Ия, в своей пижаме, стоит в дверях и, зевая, протирает кулачками глаза? Стоило ли ему отвечать на ее вопрос, кто это звонил и почему так поздно? Но он должен был это сделать.

Та ночь была самой страшной в доме Андерсонов. Ия всегда была спокойной и робкой девушкой, но в этот момент она просто не смогла сдержать своих эмоций. Истерический невроз сыграл плохую шутку с ее дальнейшей судьбой.

Громкий топот по всему дому, кричащий голос матери в телефон, плач пятилетнего ребенка на втором этаже – все было похоже на страшный сон, который происходил наяву. Все затихло, но кошмар остался.

– Присядьте, пожалуйста, – попросил доктор.

Его тон был более серьезным, чем обычно. Было видно, такие тяжелые разговоры он проводил не впервые. Но даже его спокойствие не могло утихомирить бедных родителей, медленно опустившихся на стулья.

В кабинете было темно, только настольная лампа давала свет, освещая стопку бумаг и папок на столе. Несмотря на это, доктор Джарвис мог разглядеть взволнованное лицо мужчины перед собой и засохшие слезы на щеках его супруги. Мать спросила, крепко сжав руку мужа, уже представляя, что придется услышать:

– Доктор, что с нашей дочерью?

Тот долго не мог собраться с мыслями. Наконец-то решившись, он выпрямился, прикусив нижнюю губу, и сел поудобнее.

– Понимаете, – начал Джарвис. Затем он отодвинул карандаш перед собой немного подальше, как будто это что-то изменило, и мельком взглянул на свои наручные часы. Наверное, ему очень не нравилось находиться на своем рабочем месте в такое позднее время и ему не терпелось поскорее избавиться от своих посетителей. Мистер Андерсон заметил это, и его отношение к доктору сразу же поменялось в худшую сторону. Тот, не желая больше медлить, наконец-то заговорил: – Я не буду мучить вас заумными врачебными терминами, так что скажу напрямую. – Он сложил пальцы в замок. – У вашей дорогой Ии – мутизм, то есть полная утрата способности говорить.

После последних слов мать просто не смогла сдержать испуганный вздох и схватилась за грудь.

– Хотите сказать, что наша дочь останется немой? – Ее глаза округлились, как у совы. – До конца своей жизни?

– Я не могу сказать вам точно, мадам. Скажу по своему опыту, шанс вернуть голос – один на миллион, и, насколько я знаю, ни один мой посетитель не получил этот шанс. Вероятность на вашу удачу очень мала. К тому же если смотреть на возраст вашей дочери, шанса нет совсем. Факт остается фактом, ваша дочь теперь немая. Я понимаю, что это огромная трагедия, но ничего уже не изменить.

Женщина снова спустилась на стул, и он продолжил:

– В основе такого вида патологии обычно лежат серьезные психологические травмы. В данном случае дополнительными симптомами выступают различные виды психической задержанности, которые сопровождаются, к примеру, состоянием тяжелой депрессии или истерический невроз, что и произошло с вашей дочерью.

– О боже... – Женщина закрыла ладонями лицо, издав тихий всхлип, и супруг слегка приобнял ее за плечи.

– Джанет, пожалуйста, не надо. Мы должны с этим смириться. Да, это просто ужасно, но ведь Ия жива, она все еще с нами. Мы будем делать все, что от нас требуется, и найдем выход.

– Извините, но могу ли я узнать, что привело ее к такому срыву? – спросил доктор.

– Вы об Ии?

Джарвис кивнул, и мужчина, все вспомнив, опять помрачнел, будто снова вернувшись к той страшной минуте в своем доме, когда голос на другом стороне провода объявил о смерти Мэгги и его сердце начало биться еще быстрее, словно это была смерть его дочери. Мистер Андерсон поделился:

– Знаете, дело в том, что ее лучшая подруга вчера вечером попала в автокатастрофу. Машина слетела прямо с моста в воду и там же взорвалась. Девочку не удалось спасти. Они были не разлей вода, как родные сестры. Даже не представляю, что чувствовала Ия, когда узнала о том, что Мэгги больше нет.

– Какой ужас, – признался доктор. Казалось, он говорит это искренне и ему по-настоящему жаль, но, возможно, так просто казалось.

Белая дверь со скрипом отворилась, и родители медленно вышли из кабинета врача. Звонко стуча каблуками по темной плитке, женщина подошла к скамье, где сидела Ия, и, взяв свое пальто, начала его аккуратно надевать. Девушка сидела в своей легкой пижаме, опустив голову и закрывая лицо своими волосами. Она сидела не произнося ни звука, не двигаясь и пока не собираясь встать.

Отец стоял и сверлил ее взглядом. Он хотел что-то сказать своей дочурке, как-то утешить, но нужные слова просто не приходили на ум. Словно большой ком застрял в его гор-

ле, не давая что-либо сказать. За свою взрослую жизнь он никогда не плакал, никогда. Но тут он понимал, что просто не сможет сдержаться. Когда мама наконец-то оделась и была готова выходить, он все-таки смог преодолеть ком и сказать уверенным и властным голосом:

– Пошли.

Но она не пошла. Тогда миссис Андерсон присела рядом с ней, положив свою сумку рядом.

– Ия...

Девушка начала мотать головой. Сначала медленно, потом быстро. Закрыв свой рот руками, она начала плакать, как бы она ни старалась контролировать себя. Несмотря на все свои усилия, она все равно не могла остановиться. Мама резко обняла ее и, неожиданно для себя, тоже заплакала. Тогда девушка заметила и прикосновения отца с другой стороны. Он не ревел вместе с ними, нет, но даже у него она смогла разглядеть пару слезинок на глазах. Они были вместе с ней, рядом, и это единственное, что ее успокаивало.

Вряд ли они бы могли узнать, почему она сейчас плачет. Из-за ее состояния? Или смерти лучшей подруги? Она не может им это сказать. Она уже больше никому ничего не сможет сказать.

Глава 1

Нынешние дни...

Если бы меня спросили, какое место для меня самое любимое, где я чувствую себя по-настоящему умиротворенно и спокойно, где бы я могла просидеть весь день, если бы только не мама, которая уже давно ждет меня дома, и если я не приду домой вовремя, то случится неизбежный конец света (с последним я пошутила), мой выбор бы остановился на библиотеке.

Усесться на мягком пуфике в конце коридора, окруженным книжными шкафами, и открыть книгу с красивым переплетом, уже давно не белоснежными страницами, будто она хранится здесь уже не первый год, – что может быть лучше? Да, может, я и немного странная в этом плане, но я этого не стыжусь. Книга – это то, что меня может по-настоящему понять. Читая ее, я будто попадаю в тот мир, о котором могу только мечтать. Мир, где происходит то, что вряд ли может происходить наяву.

Мысль о том, что за всю жизнь я не успею прочесть все самые интересные книги мира, просто убивает меня. Я обожаю книги, они мои друзья. Мне всегда хотелось на время покинуть реальность и, например, прогуляться по шикарному ночному лесу с Эдвардом и Беллой, поплавать в море с Миа и Кейси или просто посмеяться над шутками Полков-

ника, уютно посиживая в пансионе, в Алабама. Ну разве это не прекрасно? Кто уж не мечтал подружиться со своими любимыми книжными героями или найти волшебную любовь, как в своих любимых романах?

К сожалению, я считаю, в реальной жизни найти ее просто невозможно. Сейчас у всех все происходит однотипно: встречают симпатичного человека, решают пообщаться, находят общие интересы, и все, вы уже пара. Может, я не права, многие могут со мной поспорить, но в нынешние дни трудно найти по-настоящему удивительную любовь, от которой сердце, казалось, бьется сильнее, улыбка просто не может спастись с лица, а глаза, глаза сверкают, как звезды, и в душе словно что-то сияет, будто лучик солнца, греющий тебя, когда он рядом.

Мне всегда хотелось почувствовать что-то подобное. Но пока что моя любовь заключается в каждой минуте, проведенных с моей семьей. Они поддерживают меня, всегда готовы помочь. Что бы я делала без них?.. Они единственные люди, которые беспокоятся обо мне, особенно после того как я потеряла голос. После этого многое изменилось. От меня отстранились одноклассники, учиться стало в несколько раз труднее, и все свое свободное время я стала проводить здесь, в библиотеке, в полном одиночестве. Ну, не всегда.

– Ия, ты уже решила насчет пьесы?

Оторвав взгляд от книги, я отложила прядь своих каштановых волос за ухо и заметила глаза Кейси, глядящие на меня

сквозь щель между двумя книгами на полке, слева от меня.

Я отчаянно помотала головой.

В этом семестре мы ставим пьесу «Ромео и Джульетта». Что может быть банальнее? Мне эта идея сразу не понравилась. Я люблю театр и искусство, но ставить пьесу, где огромное количество слов, да еще и ставить меня в главную роль – это же просто издевательство!

– Но ведь это просто издевательство! – сказала я, точнее Кейси, которая вежливо согласилась сама во всем разобраться. Она мой язык, который понимает меня и всегда готов поработать, когда приходит нужный момент.

– Ия больше всего подходит для этой роли. Я не могу не взять ее. Мы можем установить голос за кадром, – начал придумывать мистер Ламберте.

Он ведет у нас актерское мастерство. Я смотрела на него с недоумением, приподняв одну бровь.

– Тогда кем, вы предлагаете, я могу вас поставить?

Не успела Кейси и рта открыть, как я надела на себя ободок, к которому прикреплен цветок из картона, и мило улыбнулась, устремив свой взгляд куда-то далеко, показывая, что эта роль очень подходит мне. Весь класс засмеялся. Я рада, что смогла их рассмешить, да и сама не сдержала улыбки. Мистер Ламберте на это лишь фыркнул и, развернувшись, махнул рукой с недовольными словами:

– Решайте сами. Даже не знаю, как с такими успехами вы собираетесь поступать в нью-йоркский университет, мисс

Андерсон.

После этого случая я серьезно задумалась над его словами. Мой город Белфилд (Северная Дакота) всегда казался мне маленьким скучным городишком, и я всегда мечтала в будущем учиться в нью-йоркском университете да и просто жить там. Какой же это шикарный город! Совсем скоро, где-то больше месяца, и я, если удачно сдам экзамены, отправлюсь туда, моя мечта исполнится. Тогда я стану самым счастливым человеком на свете! Я не могу упустить этот шанс.

После того как мистер Ламберте проворчал себе это под нос, я помрачнела. А ведь он прав. Как я поступлю туда на театральный факультет с моим положением? Вместо того чтобы стараться и что-то придумывать, я отношусь ко всему этому с шуткой и с моими «не хочу», «не могу». Пора бы уже задуматься о будущем, прекратить летать в облаках и попрощаться с детством. Чего я всегда и боялась...

– Скинь СМС, когда решишь, – снова послышался голос Кейси, которая, я поняла по ее шагам, вышла из библиотеки, ничего не взяв. Ее белоснежная длинная коса и короткий сарафан вскоре скрылись с моего поля зрения.

Я не могу назвать Кейси своей лучшей подругой. Никто не сможет стать мне такой же хорошей подругой, какой была Мэгги. Мама Кейси – друг нашей семьи, и с того момента, когда Кейси, очередной раз придя к нам в гости, начала рассказывать о своей жизни (был очень длинный монолог), мы начали общаться. Точнее, она со мной. Она стала помогать

мне во всем, везде со мной ходить, поддерживать. От жалости или нет? Я не знаю. Я правда благодарна ей, и я рада, что у меня есть человек, с которым я могу проводить время в школе, но она все равно никогда не станет для меня настоящей подругой. Я не могу ни делиться с ней чем-либо, ни просить о чем-либо или просто посплетничать.

Слова в книге запутывались на глазах и не давали мне сосредоточиться. Осознав, что сейчас у меня все равно не получится нормально прочесть, я аккуратно закрыла книгу и поднялась с пуфика.

– Ия, даже я не пью чай здесь так часто, как ты берешь книги. А я очень люблю чай, – по секрету прошептала мне Корнелия, наша библиотекарьша, и засмеялась. Я поддержала ее смех улыбкой.

Моя дорога домой была недолгой. Проходя по темным улицам и обходя заброшенные дома и древние развалины, я чувствовала какое-то отвращение. Мне никогда не нравился мой город. Он всегда казался мне каким-то опасным, грязным, иногда скучным и пустым. Иногда я боюсь проходить по таким переулкам, но это лучше, чем проходить по большим перекресткам с огромным количеством людей, ездить с ними в автобусах. Я боюсь того, что они могут спросить: «Извините, а этот автобус куда направляется?», «Не подскажете, какая следующая остановка?» или «Вы, случайно, не знаете, где ближайший продуктовый магазин?» – а я ничего не смогу им ответить.

Как только я потеряла голос, мама не задумываясь отправила меня на уроки разговорной речи для немых, где нас учили общаться с людьми с помощью жестов. Спустя месяц я бросила это дело. Во-первых, таким языком общаются обычно два человека с отсутствием голоса. Тогда зачем мне это нужно? Во-вторых, когда я тренировалась в этом с мамой, идя на урок, все постоянно смотрели на нас и перешептывались между собой. Мне это ужасно не нравилось. Я чувствовала себя каким-то отсталым звеном, которому тут не место. Мне было ужасно плохо. Лучше вообще молчать, чем разговаривать так. Это и приводит к третьему пункту.

Я нашла несколько способов, как общаться с человеком. Например, мой блокнот с ручкой. Он настолько маленький, что я даже могу засунуть его в карман своих джинсов, и никто не заметит, что он там. Этот блокнот всегда со мной. И в этом даже есть плюс – у меня самый быстрый почерк в классе. Также у меня есть программа на телефоне в виде словаря. Ну знаете, есть такой электронный словарь, в котором набираешь слова, выбираешь язык, и тебе пишут перевод. Так вот, есть еще и функция прослушивания этих слов. Я часто использую эту программу, чтобы сказать что-то человеку, а не показывать это на листочке, что очень утомительно. К сожалению, за последний месяц я смогла додуматься только до этого, но не суть.

Открыв входную дверь, я сразу же закрыла ее, чтобы холодный ветер не проник в дом. Как только я сняла куртку

и вязаный шарфик, то заметила незнакомую пару обуви у порога. Тогда я поняла, что к нам снова пришел Билл, и отчаянно закатила глаза. Сверху послышался его голос:

– Кто пришел?

Ответа, как вы понимаете, не было.

– А, это ты, Ия...

Немного обидно, но я переживу.

Глава 2

Как только верхняя одежда оказалась на вешалке, я направилась на кухню и взяла из холодильника мороженое, чтобы направить всю свою злость на него. Билл опять к нам пришел, какое счастье!

На самом деле Билл нам даже не родственник. Он просто наш сосед, у которого якобы произошла депрессия из-за расставания с девушкой. Так как мой папа является психологом и они знакомы очень давно, он согласился помочь Биллу. Теперь пару раз в неделю этот Билл приходит к нам на «прием». И приходит он к нам специально намного раньше со своим: «Ой, а мистер Андерсон еще не дома? Тогда я подожду его, хорошо?» – и не дожидаясь ответа входит.

Потом устраивается здесь как в своем доме: ест нашу еду, сидит на нашем любимом диване и играет в нашу приставку. Такую свинью я не встречала еще нигде и никогда. Как бы я ни старалась вести себя с ним вежливо, он все равно обращается со мной как с пустым местом. Только я знаю его настоящим, так как мы учимся в одной школе и передо мной ему притворяться нет необходимости.

Мама и Софи, моя младшая сестра, просто обожают его, ведь при них он ведет себя словно ангел. Сколько бы я им ни пыталась намекнуть, какой он на самом деле, они никогда мне не верят и считают, что все мои слова – чушь. По-

этому все, что мне остается сделать, так это смириться. Каждый раз, когда я осознаю, что он у нас дома, на втором этаже играет в приставку или слушает музыку, я делаю всегда одно и то же: беру поесть, кидаю на спину школьную сумку, на цыпочках поднимаюсь наверх, захожу в свою комнату, запираюсь – и все, миссия выполнена.

Сегодня у меня могло все получиться, если бы только не скрип двери в мою комнату. Надо бы попросить папу сменить петли. Миссия провалена.

– Ия! Кого я вижу!

Я медленно обернулась, уже жалея о том, что вообще пришла сегодня домой. Я могла бы и на улице переночевать. На жесткой скамье, под звездами. Что может быть лучше? Все, кроме этого...

– Ну, как прошел день?

Ехидная улыбка Билла просто издевалась надо мной. Он осознавал, насколько сильно сейчас меня бесил, и получал от этого удовольствие. Понимал, что я не могу ответить на его вопрос, и от этого ему было еще забавнее.

Растрепанные темные волосы, с которыми его голова была похожа на ежа, неопрятная рубаша с длинным галстуком и мятые брюки. Наверное, только из школы пришел. Нельзя же было сначала заскочить домой и приодеться. Нет, дома ведь нет приставки и целого холодильника еды. Зачем терять время? Почему бы сразу не пойти к мистеру Андерсону?

Я лишь снова закатила глаза и развернулась к двери,

но этот засранец преградил мне рукой путь, после чего я издала отчаянный вздох. Клянусь, если он сейчас не впустит меня в мою же комнату и не прекратит издеваться, я просто расплачусь на месте, какой бы неудачницей ни хотела выглядеть. Мой день и так прошел неудачно, я лишь хочу отдохнуть, спрятавшись в своей комнате от внешнего мира наедине с мороженым.

– Эй. Ты куда? Я тебя тут ждал весь день, соскучился.

В нос ударил сильный запах сигар и пивных паров. Он продолжал пожирать меня своим взглядом. Боже, как же я ненавижу, когда он на меня так смотрит и так улыбается. Просто пропусти меня. Просто дай мне пройти.

– А что это?

Внезапно он вытаскивает мою книгу, которая выглядывала из сумки. Испугавшись, я потянулась за ней, но Билл одной рукой тянул на себя книгу, с любопытством рассматривая ее, а другой стал отталкивать меня.

– Боже, кто такое старье читает? Ах да, ты. – Он засмеялся, а я почувствовала, что силы сопротивляться иссякли. – Бедняжка, совсем нет друзей, поэтому до конца жизни ты собираешься провести свое время с этим мусором.

Его смех был настолько звонким и раздражительным, что я уже не смогла сдержать свои эмоции. Дав Биллу звонкую пощечину, я выхватила из его рук книгу и забежала в комнату, пока он, крича, держался за свою щеку. Послышался щелчок. Дверь заперта. Миссия выполнена.

В следующие две секунды я уже сидела на полу, спиной к стене и прижав к себе колени с книгой, мысленно обещаю самой себе не плакать. Я ненавидела себя в этот момент. Ненавидела за свою слабость и сентиментальность. Но, может, в его словах и есть нотка правды?

Через десять минут, преодолев себя, я все-таки смогла подняться. Под громкую музыку из соседней комнаты я встала на деревянную табуретку и потянулась за огромной коробкой на самой верхней полке в шкафу. Как только мне удалось ее достать, я аккуратно спустилась на ноги и с разбегу прыгнула на кровать. В следующую же секунду крышка оказалась в сторонке. Я разглядывала содержимое коробки, пока что не решаясь что-либо взять в руки.

Я веду это коробочку воспоминаний уже около десяти лет. В ней можно найти и мои детские игрушки, и различные фотографии, фенечки, коллекции фантиков и наклеек, украшения, которые теперь мне не подойдут, и т. д. Дрожащими руками я взяла в руки одну-единственную фотографию. На ней были изображены две счастливые двенадцатилетние подружки, улыбающиеся на камеру, с букетами ромашек в руках. Такие беззаботные, такие хорошенькие. Почему же сейчас все не так? Одна летает в небесах, вторая плачет, смотря на эту фотографию.

Я убрала слезу с лица. Прошло два месяца, а я все еще не могу смириться. Раньше я совсем не плакала, не грустила, всегда улыбалась и веселилась. Но все так быстро поменя-

лось. Я не хочу выставлять себя жалкой, я не хочу выглядеть слабой в глазах окружающих, но когда происходят сразу две ужасные вещи... Как тут улыбаться?

Эта ночь просто погубила меня. Во мне умерла та жизнерадостная и легкая в общении Ия, и ее уже не вернуть, даже если постараться. После такого невозможно возвратиться.

Растянув скотч, я оторвала зубами кусок и повесила фотографию на стену, прямо на верхушку ствола моего дерева.

Когда мне было семь и меня тогда еще звали Хлоей, я нарисовала на всю стену огромное дерево. Оно было темное, с многочисленными ветками и листиками, а на каждой веточке росли фиалки. Тогда мама спросила меня, почему я нарисовала именно фиалки. Я не смогла ей ответить. Просто продолжила их рисовать. Они были желтые, ярко-желтые. Я рисовала и не могла увести с них свой взгляд. Мама это заметила.

После произошло то, что обычно никто не делает. Мне поменяли имя. Вся семья посоветовалась, и они решили переименовать меня и дали имя Ия. В раннем возрасте я не понимала, к чему мне такие изменения и что они значат. Мама мне объяснила, что Ия с древнегреческого переводится как «фиалка». Мне очень понравилось такое изменение. Я чувствовала себя более необычной и особенной.

Годы шли, а дерево так и оставалось ужасно красивым в моих глазах, поэтому я была категорически против ремонта в моей комнате, новых обоев. Мне нравилось засыпать ря-

дом с этим волшебным рисунком. Мне казалось, что он дает какой-то лучик радости. Засыпая каждую ночь, я чувствовала себя принцессой в волшебном саду. Это дерево держало меня в детстве. Может, поэтому я и выросла такой девочкой, мечтающей уехать в чудесную страну, найти своего прекрасного принца. Эх, наивная девочка.

Сев за уроки, я засунула в уши наушники, стараясь отвлечься от громкой музыки за стеной. Я, конечно, не любила так работать, но выбора нет. Я не хотела идти туда, да и вообще с Биллом снова сталкиваться.

От безысходности я с грохотом положила свою голову на стол. Больно. Но хотя бы на тетрадку.

Ближе к вечеру в дверь позвонила мама. К этому времени я уже успела и уроки сделать, и начать читать новую книгу, и даже прибраться на первом этаже, когда Билл, выключив музыку, решил вздремнуть. Спустившись по лестнице, я проскользнула на носочках, словно ниндзя, и открыла входную дверь.

Мама зашла в дом, протягивая мне пакеты с продуктами. Вся красная от холода, она начала снимать сапоги, звеня замком.

– Отец еще не пришел?

Я покачала головой и понесла пакеты на кухню.

Раскладывая все по своим местам, я уловила голос Билла в коридоре.

– Миссис Андерсон, вы сегодня замечательно выглядите.

– О, большое спасибо. Какой ты любезный.

В этот момент я раздавила яйцо, которое держала в руках. Скорлупа треснула, и желток полился наружу.

Черт. Слегка растерявшись, я поддержала яйцо снизу и бросила его в урну. Моя руки в раковине, я продолжала слушать ласковые слова из уст Билла и безостановочно закатывать глаза. Я, наверное, скоро зрения лишусь от всех этих закатываний.

Мама, вся счастливая, с улыбкой до ушей, прошла в кухню, а Билл все плелся за ней как собачонка. Аж противно.

– Боже, какой порядок! – воскликнула мама. Я вся заулыбалась и даже выключила воду, чтобы Билл послушал, как меня хвалят.

– Ага, – подтвердил он.

Я покраснела. Уау, как приятно. Я даже не ожидала, что Билл...

– Я старался.

О чем я думала?..

– Какая прелесть, – провозгласила мама. Приоткрыв рот от удивления и подняв брови, я указала пальцем на себя. – Ты ему помогала? Молодец, Ия.

Последние слова были какие-то тихие. Я бросила злобный взгляд на Билла. Тот улыбнулся и подмигнул мне. Поскорей бы папа пришел...

Глава 3

Пришел он только через полтора часа, забрав Софи из школы. К этому времени мы с мамой уже приготовили ужин. Мы сделали зимнюю индейку по мамину фирменному рецепту. Он называется зимним, так как в него добавлен мамин фирменный соус, рецепт которого она еще никому никогда не давала. Он и вправду великолепен. Мясо такое нежное и вкусное. Пальчики оближешь. Странность только в том, что готовит мама ее не зимой.

Вечер бы прошел просто волшебным, если бы папа не решил со мной заговорить:

– Как дела в театральном кружке?

Он резал мясо, даже не смотря на него. В этот момент его взгляд был устремлен на меня.

Я была очень рада, что к ужину папа закончил свой разговор с Биллом в своем кабинете и этой свинке не пришлось присоединяться к нашему столу. Честно, я чувствовала такое облегчение от этого, что я даже не расстроилась началу очередного разговора со своим отцом, который мне приходится терпеть чуть ли не каждый вечер. Нет, не подумайте, что я не люблю своего папу, веду себя как высокомерная дочь, просто в последнее время еще ни один разговор не закончился удачно. По моему равнодушному лицу, которым я скрывала свое недовольство, он понял – нужно продолжить:

– У меня хорошая новость. – Протерев губы салфеткой и положив ее на стол, он опрокинул спину к стулу и снова обратил свой прямой взгляд на меня. – Я поговорил сегодня с мистером Ламберте и... – он слегка улыбнулся, чему я даже удивилась, ведь это такая редкость. – Если ты хорошо сыграешь свою роль в школьной пьесе в конце учебного года, то есть большой шанс, что в следующем ты уже будешь поступать в нью-йоркский университет! – воскликнул он наконец.

Что-то екнуло у меня внутри, что в ту же секунду переросло в острую боль. Я посмотрела на него то ли с сожалением, то ли по-злому. Смешанное чувство. Будто тебе подают на золотом блюдечке какую-то конфету мечты, а твой рот весь в скотче, который невозможно отклеить. Официант с улыбкой смотрит на тебя и ждет, радуется исполнению твоей мечты, а ты указываешь обеими руками на свой заклеенный рот и не понимаешь, почему он этого не замечает.

– Это замечательно!

Мама восклицает это с таким энтузиазмом, будто официанта зомбировали и он делает и говорит то, что приказало начальство, а не то, что требуется. Софи, в свою очередь, единственная понимает всю ситуацию, окружающую меня, несмотря на свой малый возраст. Не сводя глаз с моей руки, которая достает из кармана телефон и начинает строчить по кнопкам, она решает лучше помалкивать. Правильно делает. Умница.

Я не понимаю, что с родителями, почему они будто смот-

рят на мир сквозь розовые очки и не могут понять, что происходит, точнее что уже произошло. Все закончено. С меня все. Мы не живем в какой-нибудь сказке, в которых исполняются мечты, несмотря ни на что. Когда я умру, мой гроб не откопает прекрасный принц, не поцелует меня, я не оживу и не стану принцессой, которая будет жить вечно и счастливо. Да, жуткий пример, но это так. Все стереотипы, что если веришь, если хочешь, тогда мечты сбудутся, – это все чушь. В жизни многое может мешать, как бы сильно ты чего-то ни желала. Ты не поступишь в элитную школу, если не будешь учиться. Ну а если денег на обучение нет? Если ты лежишь в больнице на койке и нет сил пошевелиться? Ты не сможешь стать певицей, как мечтала в детстве, если у тебя нет слуха и красивого голоса. Ты не сможешь завести пингвина и поселить его у себя дома, как бы этот пример ни был смешон. А немая девочка не сможет стать актрисой. Такое даже в сказке покажется странным. Я не пессимистка, просто есть вещи, которые не зависят от тебя. Это нужно понимать и смириться.

Я удивляюсь своим родителям, которые по-настоящему верят в мое будущее в этом направлении. А злюсь я на них только потому, что по сравнению с ними все понимаю. А они лишний раз напоминают мне о том, что я потеряла, чего я никогда не смогу добиться, даже если бы мне этого хотелось. И каждый раз злятся на меня, что я сдаюсь. Но ведь это смешно, правда? Взрослые как дети, иногда с такими же

страхами, надеждами, просто имеют больше опыта и власти. Когда вырастаешь, начинаешь это понимать. И это не всегда хорошо, когда родитель может быть настолько наивен и причинять боль, сам этого не осознавая.

«Я не буду участвовать», – заметный механический голос прозвучал на всю комнату. Наконец-то шум эмоционального разговора отца и матери приглушился, а гул в моей голове прекратился. Я мимолетно провела рукой по пульсирующей голове, отбрасывая волосы назад, и снова нажала на кнопку микрофона в телефоне. Никогда еще этот голос оттуда не казался мне таким противным.

«Я не буду участвовать. С меня все».

Тишина в помещении начинала нагнетать, но я не решалась поднимать глаза на отца. Просто уткнулась в свою тарелку, уголком глаза заметив, как Софи положила вилку на стол, прекратив ковыряться в своей еде, хотела потянуться за соком, но в конечном итоге отдернула руки и сложила их на своих коленях. Мой недоевший ужин, мамина фирменная индейка, которая всегда так меня радовала, сейчас вызвала подташнивание, поднывавшее к горлу.

– Мы ведь все уже обсудили, Ия, – после такой мучительной паузы решила продолжить со мной обсуждение мама.

Интересно, почему папа молчит? Наверное, он сверлит в этот момент меня взглядом или держит кулак под столом, пока мама старательно сжимает его руку, чтобы тот не сошелся. Интересно...

– Тебе лишь нужно порепетировать, выйти на сцену, а кто-то за кулисами будет озвучивать слова за тебя. Ну или Джульетта ничего не будет говорить. Такого ведь еще никогда не было, будет оригинально. И твой отец может поговорить с мистером Ламберте, и он это устроит.

Последние слова прозвучали с такой интонацией, что я готова поклясться, она улыбнулась и взглянула на отца такая счастливая, будто только что решила легкую проблему, совершенно не понимая, почему я так язвительно к этому отношусь. Я даже слегка усмехнулась. Она сейчас пошутила или серьезно?

Медленно приподняв голову, я взглянула на нее. На маму, такую родную, заботливую, что это чувство раздраженности из-за ее слов сразу улетучилось. И тут я почувствовала ком в горле. Мне стало стыдно находиться перед ней в таком состоянии. Мне стыдно разочаровывать ее тем, что я сейчас ничего не могу. Мама, так надеявшаяся на будущее своей дочери, к которому так ее готовила, все еще не потеряла надежду, единственная из тех, кто сидит за этим столом. Отец уже понял, что я не в состоянии устроить свою жизнь сама, и всеми силами пытается все исправить с помощью связей, денег, своим статусом в этом городе. Я благодарна ему, но то, что он делает, – уже бесполезно.

Наверное, я зря подняла голову, потому что потом сразу столкнулась с его глазами. Он смотрел с немеркнущим интересом и какой-то прозрачной раздраженностью. И к моему

большому удивлению, резко переметнувшись на глаза своей жены, заговорил, почти что незаметно скрипя зубами:

– Объясни своей дочери, что если она хочет чего-то добиться, то пусть не ноет, а хоть что-то делает в этой жизни. Мне надоело с ней нянчиться!

От повышающегося голоса я чуть встrepенулась и схватилась за сотовый, который чуть не выскользнул из моих рук.

– Па-а-ап, – проямлила Софи, закрывая уши руками.

– Джарвис, – тревожно пропела мама, выпрямившись.

– Что? Что?! – его голос повышался. – Если она считает, что ей это не нужно, то пожалуйста! Без проблем. Пусть устраивает свою жизнь сама, мне надоело бегать за каждым деловым лицом неделями и упрашивать этих напыщенных индюков о встречах по поводу моей дочери. Думаешь, это легко записывать немую девчонку в разные школы, курсы, потихоньку продвигая ее к Нью-Йоркскому университету?! А потом выслушивать, что она отказывается участвовать всего лишь в одном дурацком спектакле!

– Джарвис, но ведь она еще ребенок...

Я чувствую, как мои щеки пылают, а руки трясутся, когда я то печатаю слова на телефоне, то снова стираю, и заново.

– Пожалей мои нервы! За каждой собакой бегать ради этой сопли, которая даже не благодарна мне, а только огрызается и встречает в коридоре с таким взглядом, будто я враг народа.

«Я тебя об этом не просила, мне от тебя ничего не нуж-

но. Можешь так не напрягаться по поводу этой немой проблемы».

Переводчик озвучил мой текст громко, но мой отец кричал еще громче, поэтому слова просто улетели в пустоту.

– Я не позволю, чтобы моя дочь выросла неудачницей. Она должна быть такой же успешной, как и я, а не оставаться тряпкой на всю жизнь.

– Джарвис, прошло всего лишь два месяца после трагедии! Не дави на нее.

Они знают, что я сижу все еще здесь и слышу каждое их слово?! Мое сердце пульсирует, а пальцы набирают текст снова и снова. Только сотовый резко начинает ужасно глючить, и слова сами по себе стираются. Я начинаю дышать с открытым ртом и растерянно бегать глазами по экрану, чувствуя, как меня переполняет раздражение, отчаяние и... и чувство, будто меня больше не существует.

Ощувив, как что-то прикоснулось к моей руке, словно напомним о моем существовании, я заметила Софи, которая смотрела на меня с жалостью и страхом.

– Ия? – Она прищурилась и с интересом, полным негодования и беспокойством, спросила: – Твои глаза словно кукольные. Ты как-то странно плачешь.

Из-за шума до меня доносились только отдельные слова из сказанного из ее уст. Я не могла здесь больше оставаться. Резко вскочив со стула, я словно поплыла в воздухе. Стараясь довольно громко отодвинуть назад стул, чтобы родители

заметили мой уход (у меня не получилось), я смогла удержаться на ногах. Вялой походкой, сопровождающейся взглядом сестренки, я направилась в свою комнату, мечтая, чтобы этот вечер наконец-то закончился.

Глава 4

Я читала о мутизме. Он подразделяется на два разряда: психогенный и акинетический. С акинетическим все просто. Человек полностью теряет способность говорить вследствие повреждения головного мозга. По идее, только этому разряду положено принимать лекарственные препараты, чтобы улучшить питание головного мозга, но моей маме пришлось в голову и мне их покупать, хотя мой случай относится к психогенному разряду. «Мало ли что, вдруг поможет?» – говорит она. Мой доктор посоветовал принимать ноотропы только первое время, в качестве эксперимента, слишком долгое применение может привести к опасным последствиям. «Вдруг поможет?»

Что я могу сказать уже о *моей* психогенной форме? Моя проблема развилась в результате психологической травмы, и считается, что я могу снова начать разговаривать. Могу, я должна говорить, просто именно мой случай оказался наиболее тяжелым и сама справиться я не способна. И как говорит мой доктор: «Один шанс на миллион». И как говорю я: «Мы живем не в сказке».

На часах одиннадцать, все улеглись спать, только я, сторбленная, в длинной помятой футболке, сижу в полной темноте на своей кровати, уставившись то ли на свое почти неза-

метное дерево на стене, то ли просто на стену. Которую ночь не могу уснуть, но не вижу в этом ничего безнадежно невыносимого. Нравится, когда в доме полная тишина, когда я одна не сплю, будто теперь никого не существует, кроме меня.

Но эта тишина оставляет меня наедине со своими мыслями, что мне совсем не нравится. Часы у потолка тикали громче обычного. Раньше я и не замечала, что это тиканье может так раздражать.

В дверь кто-то тихонько постучался и замер, словно ожидая разрешения войти. Темный силуэт, который виднелся через стеклянную середину двери, выглядел немного жутко, но я все еще не отрывала с него глаз.

Принимая безмолвие за приветствие, мама бесшумно вошла в комнату, и на этот раз дверь не издала ни единого скрипа. Похоже, только мне так не везет. По идее, хорошо, что ничего не закрипело. Не хотелось бы будить Софи, вчера ей тоже не спалось.

– Ты ведь и сама понимаешь, что он не со зла, – мягко усевшись на мою кровать, мама ласково взяла меня за руку. – У него проблемы на работе, и ему трудно заниматься еще и твоими проблемами.

Ну да, а мне будто не трудно.

Да, может, это и казалось эгоистичным, но и ее слова не больно-таки утешили меня.

Я попробовала посмотреть на всю эту ситуацию со сторо-

ны. Девочка, вокруг которой все бегают, пытаются помочь, и эта же девочка, которая еще и огрызается на эту помощь. От этой ненависти к себе у меня пересохло в горле.

– Это так невыносимо...

Я всмотрелась в глаза матери, зрачки которых в темноте не так видны, но я ощущала волнение, которое она сейчас испытывает, как разбегаются ее глаза оттого, что она не может подобрать нужные слова. Я ловлю себя на мысли, что слишком долго не свожу взгляда с ее коротких ресниц, которыми она слишком часто хлопает. То, что она держит меня за руку, успокаивает меня, и мне кажется, будто сидим здесь уже всю ночь, хотя мама только что зашла. Мама, чьи руки и голос не так заметно, как она рассчитывала, дрожат. У меня появляется резкое желание ее обнять, но я не сдвигаюсь с места.

– Так мучительно смотреть, как ты опускаешь руки, как ты сдаешься...

Последние слова она выдавила с таким трудом, резко отдернув руку от моей и прикрыв ею свой рот, что я не смогла сдержаться: легким порывом приподнялась на колени и обняла ее. Чем сильнее я обвивала ее руками, тем сильнее она прижималась к моей груди.

Через какое-то время она освободилась из моих объятий и, отстранившись, взглянула на меня уставшими глазами. Мне стало ее жаль. Кажется, в этом доме уже всех мучает бессонница последние два месяца. Она заговорила с такой

интонацией, будто только что ничего не произошло, чтобы для самой себя казаться сильной женщиной, но голос по-прежнему немного дрожал:

– Мне сегодня звонила мисс Грейс. Она хочет, чтобы ты завтра зашла к ней помочь разобрать вещи Мэгги после актерского мастерства.

Недолгая пауза. Я коротко кивнула и еще раз обняла ее, поставив на нашем разговоре точку.

Я поняла, насколько это больно – узнавать тяжелую новость о смерти близкого человека, но не думала, что еще тяжелее – ее преподносить.

Глава 5

Когда Шекспир только дал начало истории Джульетты и Ромео, он наделил девушку большим сердцем и умом. Она была весьма рассудительна. Но со временем, когда одержимость своим чувством к Ромео стала расти, ее рассудок в это время перестал мыслить здраво. Даже когда она узнает о смерти брата, то упрекает за это Ромео. Злость улетучивается очень быстро, и девушке даже становится жаль за эти упреки.

Любовь к своему возлюбленному для Джульетты важнее жизни брата и своих родителей. Она настолько окунается в свои чувства, что рассудительная девочка, которую мы видим до встречи возлюбленных, исчезает. Она становится наивной, не думает о последствиях, находясь во власти слепой любви.

Не думаю, что когда-либо еще встречалась с подобным примером таких сильных чувств. И я не могу представить, с каким усердием Шекспир вложил в эту пьесу. И мне очень обидно, что наш спектакль, возможно, не сможет передать зрителям эти эмоции Джульетты, потому что со стороны я вижу: девушка, которую мистер Ламберте выбрал на роль главной героини, явно не подходит.

Место, в котором я находилась, походило на театр. Все было большим, ярким, но пустым. Сиденья пусты, повсюду

грязь и беспорядок, будто здесь за последний год не появлялась нога человека. В свете софитов сияла только сцена. Но даже если попробовать сфотографировать ее, то на кадре ничего не будет видно, кроме тьмы и слабых отблесков деревянного пола.

Я пришла на сегодняшний урок, чувствуя себя здесь чужой. Наша группа репетировала пьесу в актовом зале, на последних рядах которого сидела я. Сегодня я не участвовала в их подготовке, а сидела в конце, все еще создавая атмосферу того, что я с ними. Я еще здесь. Может, я уже ни на что не годна, но я хочу, чтобы вы знали: я все еще с вами. Сiju, делая вид, что записываю важные заметки в блокнот, с умным видом наблюдая за сценой. Короче говоря, участвую в процессе.

– Эта роль не для нее, – слышалось сверху.

От неожиданности я чуть не уронила свой блокнот, но ловко удержала в руках и повернула голову на звук. Уловив мой взгляд, Остин растянул рот в широкой улыбке и подмигнул мне. Твердо державшись на высокой лестнице, он настраивал софиты с таким видом, будто это самая ответственная работа в мире.

– Все, что Абигейл может, – запоминать текст.

Остин из тех парней, которые выглядят в младших классах как гадкие утята, над которыми все насмеяются, а почти что к окончанию школы становятся такими симпатичными, что уже никто не может сказать им ни одного плохого слова.

Я к этим людям не отношусь, так как его образ тех времен все еще у меня перед глазами каждый раз, когда он со мной заговаривает.

Как только Остин впервые меня встретил в младших классах, я ему понравилась. Он бегал за мной и ждал взаимности, несмотря на то, что я вежливо объясняла ему, как мне не нужно его внимание, что мне не нужны новые знакомства, но он будто меня не слышал. Отталкивала тогда меня не только его внешность, но и надоедавшая навязчивость. Все дошло до того, что он начал следить за мной с других страниц в социальных сетях, создавая фейковые аккаунты, с надеждой, что хотя бы так я буду с ним переписываться. А когда правда всплывала, он искренне не понимал, почему я так злюсь.

Мэгги советовала мне послать его, потому что нормальные люди себя так не ведут и с этим парнем явно нужно что-то делать. Но я не могла. У меня просто не было духа как-то по-настоящему грубо ему все высказать.

В конце концов я не выдержала, и мы с ней состроили план действий.

В седьмом классе я согласилась сходить с ним на свидание, но сама не пришла на него. В результате бедняга простоял под ужасным ливнем пару часов с букетов цветов в руках, до последнего ожидая моего прихода. Мэгги засняла его отчаянное под конец лицо на камеру, сделав пару снимков, в то время как пряталась под крышей местной заправки, на-

ходясь неподалеку. Фотографии она подписала как «Дождливый червь». Я получила их только ближе к вечеру. В ту ночь меня мучили угрызания совести, но единственное, что меня успокаивало, – план сработал.

После этого случая он перестал за мной следить, разговаривать и вообще попадаться на глаза. Я иногда встречала его в коридорах нашей школы, замечая, как он меняется, заводит друзей и начинает выглядеть как нормальный человек. Но какой-то осадок, ненависть к этой персоне все-таки остались, и похоже, что это на всю жизнь. Стараясь негромко хлопнуть своим шкафчиком, я исчезала в толпе учеников, чувствуя спиной его взгляд, но, не подавая виду, уходила все глубже.

С того неприятного случая прошло четыре года, и мне было крайне удивительно снова услышать его голос. Я довольно резко отвернула голову, неряшливо взмахнув длинными локонами, и снова устремила свой взгляд на сцену.

Абигейл и правда не справлялась. Она произносила слова громко и отчетливо, но походка, выражение эмоций, жестикуляция абсолютно ее подводили.

– Милая, не делай глаза как у мертвой рыбки, ты ведь не хочешь никого напугать, верно?! – визжал Ламберте.

Бедняга. Я знаю, каково это, когда идеальные планы, которые уже были полностью готовы к исполнению, к которым ты так готовился, из-за одной неприятности рушатся. В его случае эта неприятность – я. Я должна была быть в главной

роли, все было готово к выступлению, теперь ему приходится начинать все заново.

– Будь естественней, Абигейл, не подводи меня!

– Ты бы справилась лучше, намного, – Остин плюхнулся на сиденье рядом со мной, и я словно нутром ощутила, как он глазами рассматривает меня, но все еще не сводила взгляд со сцены. Он, похоже, подумал, что мне неловко в его присутствии, поэтому тоже бросил взгляд вперед и продолжил разговаривать со мной, незаметно шевеля губами. Со стороны могло бы показаться, что мы совершенно не знакомы, но, к сожалению, это не так. – Но теперь, похоже, ты уже вряд ли чего-нибудь добьешься в актерской сфере.

На этот раз у меня не получается сдержать своего возмущения. С вытаращенными глазами и слегка приоткрытым ртом я поворачиваю голову в его сторону. Остин сидит, опрокинув одну ногу на другую, с неряшливой русой челкой, которая легла на один его глаз, и кривой удовлетворенной улыбкой.

Святая карамель! Вот видите! Видите? Уже в который раз кто-то напоминает мне о том, чего я лишилась и чего уже больше не смогу вернуть. Это просто как нож в сердце. Почему никто не задумывается, о чем говорит? Не думают о том, что это может быть обидно? И почему это я должна после этого все время молчать? Нет уж, в этот раз я молчать не буду.

Выдернув первый попавшийся листок из блокнота, я

со скоростью света нацарапала на нем нужные слова ручкой и в порыве злости кинула его в этого парня.

От неожиданности Остин аж встрепенулся. Аккуратно подняв пальцами упавший на пол листок, он, слегка повернувшись ко мне, прочитал мною написанное: *«Ты не мог бы еще четыре года помолчать и не приближаться ко мне? А то снова дождливыми червями пахнуло».*

Я смотрю на него с ласковой издевательской улыбкой, ожидая его следующих действий. Остин медленно поднимает глаза и встречается с моими. Я ловлю себя на том, что они у него светло-серые, а еще на том, что я не вижу в них ни ярости, ни обиды, ни усмешки. Он спокоен как удав, отчего мне становится неловко, но я стараюсь держаться, не убирая улыбку.

– Знаешь, – все-таки заговорил он спокойной интонацией, – мне жаль твою подругу. – Он оторвал от меня глаза и потянулся за моей рукой. Взяв ее и раскрыв, вложил немного помятый листок мне в ладонь и прикрыл моими пальцами. Я внимательно наблюдала за каждым его движением, издевательской улыбки на моем лице уже не было. Он снова посмотрел на меня, и теперь в его глазах я увидела что-то смешанное с жалостью и разочарованием, его голос стал тверже: – А тебя нет. Надеюсь, теперь твоя гребаная самооценка хотя бы немного опустится.

Не успеваю я как-либо среагировать на эти слова, как он грубо отпускает мою руку, и та больно падает мне на колено.

Глава 6

На какой-то момент мне показалось, будто мир затих. В голове я снова и снова прокручивала его слова, на какое-то время забыв о том, что Остин все еще сидит передо мной. Но вскоре звонкий голос мистера Ламберте вернул меня на землю:

– Это просто невозможно! Я тоже человек, и у меня не железное терпение. Абигейл, слезай со сцены! Ты безнадежна. Подойди и возьми у Фрэнка микрофон, сейчас будем думать, что делать. Ия!

Я машинально вскакиваю на ноги. Вся группа с мистером Ламберте смотрели прямо на меня и чего-то ждали.

– Милая, ну зачем же ты там спряталась?! Иди сюда и поднимайся на сцену! – кричит он мне на весь зал, но мне все равно кажется, будто он стоит намного дальше.

Недолго думая я, обходя рядом находящиеся сиденья, направилась неуверенной походкой прямо к сцене. Ключок бумаги я сильно сжала в руке и незаметно положила в карман, чтобы потом выбросить в мусорку при удобной возможности. Оглядываться на Остина я и не думала. Он ничего обо мне не знает, чтобы так говорить. Да и меня не волнует, что он сказал. Совсем.

Спустя несколько дней после смерти Мэгги я по чистой

случайности подслушала разговор родителей насчет того, как же все это произошло. Оказывается, по непонятной причине Мэгги выехала на машине на встречную полосу и на высокой скорости врезалась в другой автомобиль. При сильном ударе обе взлетели в воздух. Одна машина после стукнулась о бордюр. При этом столкновении машину закрутило и перевернуло. Несмотря на то что она разбилась всмятку, водитель по необыкновенному везению выжил, получив сильные ссадины и ушибы. Но по неусмотрению врачей его быстро выписали, а на следующий день они получили от него вызов. Человек скончался до приезда скорой помощи.

Второй машине повезло намного меньше. Она полетела прямо с моста и, разбившись о еще не растаявший лед, взорвалась, а тело хрупкой девушки разлетелось на части, так как найти его в глубоких темных водах не удалось. Да я и не думаю, что кто-то его собирался искать, после такого-то взрыва. В этой машине и была Мэгги.

Каждый раз, когда я поднимаюсь по ступенькам на сцену, я вспоминаю ее, ее улыбку, смех. То, что она сидит внизу на сиденьях и мысленно поддерживает меня каждое выступление, успокаивает меня.

На этот раз мне это не помогло, так как сейчас, вспоминая ее, я лишь слышу жуткий пронзительный крик летящей с моста машины и уже не вижу ее внизу, моего главного зрителя.

– Так, посмотрим. – Оторвав глаза от бумаг со сценарием, а руку от своей щетины, мистер Ламберте указал пальцем на Абигейл. – Сейчас попробуем пройти по монологу Джульетты в третьем акте, сцена вторая. Ты все помнишь?

Недовольно взявшись за микрофон и оперевшись о подлокотник, она кивнула.

– Отлично. А ты, Ия, – он переключился на меня, и на его лице заиграла заботливая улыбка, – будь лапочкой, как и всегда. А говорить ты будешь голосом Абигейл. Думаю, вы поладите.

Абигейл насмешливо хмыкнула, а я сложила руки на груди. Ух, не знаю, что из этого получится. Но когда мистер Ламберте пригласил меня на сцену, во мне загорелась маленькая надежда, что эта глупая затея все-таки сможет мне помочь.

– Итак, Ия, – он опять заговорил и начал уверенно произносить слова, чтобы я сконцентрировала все свое внимание на них, – сделай такое мрачное выражение лица, на которое только способна, но чтоб в глазах был легкий блеск.

– Она и так сюда пришла с лицом мрачнее некуда, – прошептала Фрэнку на ухо Абигейл, но, похоже, забыла про микрофон у рта, который передал ее слова по всему залу. – Ой! Тупой ботаник! Почему ты меня не предупредил? – рявкнула она на своего соседа, уже отодвинув от себя микрофон.

Вся группа засмеялась. Уголком глаза я увидела Остина

на задних рядах, который единственный сидел неподвижно, наблюдая за всем этим. Абигейл же в свою очередь смущенно покраснела и от неловкости всем заулыбалась самой милой из своих улыбок. Даже не знаю, что хуже: ее актерская игра на сцене или ее актерская игра в жизни. Но я точно знаю одно: моя уверенность в себе с каждой секундой пропадает и я не знаю, как продолжать держаться на сцене на прямых ногах. Опустив руки, позволяя им болтаться, так как не знаю, куда их девать, я взглянула на учителя.

– Так, молчать! – Он всем телом повернулся к ним. – Урок заканчивается, а у нас еще ничего не готово. Соберитесь наконец! – его громкий суровый голос заставил всех успокоиться и создать полную тишину. – Абигейл, начинай.

– Гхм, гхм, – она отбросила рукой свои прямые темные волосы за спину и, держа микрофон так, будто она какая-то молодая журналистка, пришедшая брать у меня интервью, начала читать строки: – Неситесь шибче, огненные кони...

Да, неситесь... Как две машины навстречу друг другу.

– К вечерней цели! Если б Фэтон... – Она остановилась и с разинутым ртом продолжила смотреть сначала на меня, потом на мистера Ламберте.

Тот смотрел на меня непонимающе и довольно сурово.

– Ия, черт побери! Ты что застыла?!

И правда, огненные кони несутся, как машины на высокой скорости.

Две машины несутся так быстро, издавая колесами неприятный свист, очень громкий и пронзительный. Я от страха и громкого звука закрываю руками уши. Свет софитов, которые бьют в глаза, словно яркий свет фар. Я опускаю веки, сильно щурясь. В какой-то момент мне кажется, будто я стою на той дороге. Чувствую, как что-то приближается ко мне, очень быстро. Даже закрытые глаза с ушами не могут унять во мне страх. И тут... удар. Я лечу с моста. Очень медленно. Как в каком-то фильме, время замедляется. Вокруг очень темно. Только огни на мостовой освещают дорогу, давая мне понять, что я уже лечу в темную, жуткую, пропитанную ужасом воду. Глубокую, но до дна мое тело не опустится. Ведь я ударюсь об лед, сломаю себе все кости и потеряю сознание, так и не попав в объятия всасывающей на дно воды. Я уже была готова к удару, как за отблеском света замечаю ее. Мэгги летит вместе со мной. Она не видит меня. Лишь обвила себя руками и поджала к животу колени. Все лицо заплаканное, над глазами размазана тушь. Не успеваю я задаться вопросом, почему она плакала, как время начинает понемногу ускоряться. Ее глаза распахиваются в нескрываемом страхе, рот открывается с душераздирающим визгом, и мы приближаемся ко льду. Удар.

Лед слишком теплый и пыльный для льда. Я слегка открываю сощурившиеся глаза и понимаю, что лишь упала на пол, хорошо знакомый деревянный пол нашего актового зала. Ви-

жу, что вокруг меня собралось несколько человек, но из-за слишком яркого света, который у меня перед глазами, не могу разобрать лица.

– Ия?

Я медленно поднимаюсь, стараясь держать равновесие и как можно быстрее найти глазами мою сумку. Затем замечаю, что кто-то протягивает мне ее. Машинально схватив сумку, я направляюсь к выходу, как этот кто-то грубо хватается меня за локоть и поворачивает к себе.

– Ия, послушай...

Остин смотрит мне прямо в глаза снова взглядом полным жалости. Ненавижу этот взгляд. Я не хочу его слушать. Не хочу стоять перед всеми ними так, будто в любой момент у меня могут подкоситься ноги. Не хочу, чтобы они видели меня такой. Не хочу, чтобы они запомнили меня такой.

Отбросив его руку, я быстрой походкой удалилась из зала, надеясь, что никто не видит, как дрожат мои руки и громко бьется сердце. Теперь уже я уверена, что сюда больше не вернусь.

Глава 7

После долгого колокольного звона я оторвала руку от кнопки и поправила разлетающуюся черную юбку, которая слегка задралась.

Не думала, что у меня поднимется настроение оттого, что после долгого перерыва я приду к дому Мэгги.

На крыше сидели голуби и глупо вертели головами. На участке все так же пахло сыростью и уныло выл ветер. На пороге грязно и неудобно. Подойдя сюда, я пыталась не наступить на испачканные в гнили камни и не заляпать ею обувь.

Пока я ожидала, что кто-то откроет мне дверь, я огляделась. Так необычно видеть, что дом все еще стоит, совершенно не изменившийся, будто ничего не происходило, будто Мэгги сейчас откроет мне дверь и с задиристым голосом затащит меня внутрь: «Почему так долго? Я умираю от скуки», – скажет она, и мы проведем весь вечер в ее комнате за просмотром «Красотки» или «До встречи с тобой», поедая фисташки. После этого она пожалуется на боль в спине, так как рассыпет скорлупу от орехов по всей кровати, а я посмеюсь и назову ее недопринцессой на горошине.

Только когда послышались шаги за дверью, воспоминания расплылись перед глазами и я заметила, что стою, глупо лыбясь и крепко прижимая к себе свою сумку.

– Ия, я так рада, что ты пришла. – Мисс Грейс отворила дверь и взглянула на меня так, будто в первый раз за долгое время видит живого человека. На ней серый халат, а грязные волосы собраны в неряшливый пучок. – Проходи, дорогая.

Как бы я ни говорила, что дом снаружи не изменился, я могу согласиться, что комната Мэгги совсем не похожа на то, чем было. Ее кровать, которую покрывали многочисленные мягкие уютные пледы, милые пушистые подушки и огромный плюшевый тигренок, который я подарила ей на тринадцатилетие, стала лишь скучной деревяшкой со старым пыльным матрасом. Шкафы и полки опустели, а на полах стояли большие закрытые коробки с вещами.

– Я завтра собираюсь отнести все это на чердак, а комнату сдавать кому-нибудь, с бюджетом все очень туго в последнее время. – Мисс Грейс появилась за моей спиной, когда мой взгляд упал на коробки. – Но мне показалось, ты захочешь себе что-нибудь забрать, на память. И, Ия. – Она положила руку на мое плечо, и я повернула к ней голову. Мисс Грейс тяжело сглотнула, перед тем как продолжить: – Ты ничего такого не подумай. Поверь, мне очень трудно в последнее время. Ее комната опустела, она не могла бы стоять так вечно. У меня просто не было бы сил каждый раз, проходя мимо нее, заглядывать, надеясь, что моя милая Мэгги сладко спит в своей кровати, а потом понимать, что ее уже нет.

Она смотрела на меня глазами полными замешательства и с надеждой на понимание. Собрав брови домиком, я улыб-

нулась ей и коротко кивнула.

Чуть меньше часа мне хватило, чтобы разобрать половину всех коробок, которые были в комнате. Все фотографии, где мы были с Мэгги вдвоем, я не задумываясь уложила в сумку. Некоторые я даже подумала повесить на дерево в своей комнате. Одежду Мэгги я решила не трогать, а в самой большой коробке нашла того огромного тигренка. Ему будет лучше здесь, все-таки это был подарок. Но перед тем как сложить его обратно в коробку, я крепко обняла тигра на прощание. Он отдавал запах ее любимых духов.

Разбросанные по комнате вещи, которые я с интересом перебирала, возвращали комнате хоть какой-то уют. Ведь запах воска и натертых до блеска полов из коридора совершенно все портил. На следующей коробке я не думала долго останавливаться. В ней лежало огромное количество книг, которые Мэгги перечитывала миллион раз. Но только я захотела ее закрыть, как резко замерла.

Среди всех книг я смогла разглядеть незнакомую мне обложку.

Продолжая держать крышку от коробки над головой и наклонившись, я с любопытством поворачивала голову, стараясь как можно лучше разглядеть эту книжонку.

Все верно. Я вижу ее в первый раз. Меня это так удивило, потому что я знаю все книги, которые есть у Мэгги, так как

мы часто ими меняемся, давая друг другу почитать. И эту я явно не помню.

Аккуратно вытащив ее, я села на пол в позе йоги и начала с нескрываемым интересом рассматривать темную обложку, переплет. Я обратила внимание на то, как необычно она выглядела. Таинственно и в то же время по-простому. Никогда не видела ничего подобного. А название вообще вогнало меня в легкий ступор.

«Илсилензио».

И что это значит? Это название какой-то «магической» страны или что? Хотя и книга казалась мне немного странной, это меня и привлекало в ней. И если раньше я ее у Мэгги не видела, то сейчас самое время ее почитать. Интересно ведь, что же за книгу она скрывала ото всех, включая меня.

Бережно открыв ее и пролистнув первую страницу, потому что она оказалась пуста, я наконец-то увидела начало текста, слова которого были настолько грамотно напечатаны, будто только что появились у меня на глазах, стоило мне открыть книгу.

Каждый знает, для того чтобы получить желаемое, нужно либо добиться всего самому, либо пойти на риск или чем-нибудь пожертвовать. А если ты совершил ужасную ошибку, то заплатишься за это, пока не исправишь содеянное.

Эта книга была создана для больных. Нет, не для тех, кто лежит в больницах, психушках или в своих уютных кроватях с градусниками. Она была создана для людей с душевной болью. Для тех, кто потерял смысл жить, смысл любить и думать о будущем. Для людей с душевными ранами, которые они не могут зашить уже долгое время и потеряли силы их зашивать. Для тех, кто потерял надежду, стремление к чему-то хорошему, веру во что-то лучшее.

Уау, прям для меня. Какая ирония.

Я пыталась внимательно вчитываться в каждое слово, но пока что все, что появлялось у меня перед глазами, казалось мне слишком детским и нелепым. Вот тебе про игру какую-то, правила какие-то перечислены, про заточения в этой самой книге, еще и якобы этот пленник или пленница со мной разговаривает. Смех, да и только. Переворачивая третью страницу, я с удивлением обнаружила, что больше ничего нет, листы пустые. Что?

Опустив открытую книгу на ноги, я укутала холодные руки в большой зеленый свитер и с возмущением цокнула.

Что это было? И это все? И эта та загадочная книга, которую Мэгги от меня скрывала? Теперь понятно, почему скрывала. Дешевая подделка. Валялась, наверное, где-то на полке, пылилась, ждала момента, когда ее запихнут в коробку вроде этой.

– Хорошая моя, не хочешь пообедать? Я приготовила тыквенный пирог, как ты любишь, – в дверях появилась голова Мисс Грейс.

Не могу не отметить, что она сейчас выглядит лучше, чем час назад. Может, это из-за того, что я пришла, а может, и из-за пирога.

Я вежливо ей улыбнулась и покачала головой, прежде чем она удалилась. Пожалуйста, называйте меня Ией. Как и всегда, а не выдумываете ничего другого, я ведь не Мэгги.

В отчаянии я схватилась за голову. Что я тут делаю? Лишь лишний груз, старые воспоминания, от которых становится дурно, ведь я понимаю, что это лишь воспоминания. То, что стало с этим местом, убивает меня. Кажется, будто о Мэгги все забывают или пытаются забыть, но это ведь неправильно.

Я в последний раз прохожу глазами по комнате, рассматривая каждую деталь, каждый уголок этого счастливого прошлого, пока взгляд снова не падает на книгу.

И я не знаю, как это произошло, но мой здравый разум чуть миг не разрушился, когда я, не веря своим глазам, обнаружила, что на страницах сами по себе появляются следующие строки.

Глава 8

Так ты Ия? Очень приятно.

Все, что я после этого помню, так это то, что я сначала долго любовалась на эти строки, будто чего-то ожидая или надеясь, что мне это лишь видится, а потом, когда мое тело снова стало меня слушаться, захлопнула книгу и продолжала так сидеть неподвижно какое-то время. Только тогда я обнаружила, как трясутся мои руки.

Не осознавая, сколько прошло минут, и игнорируя все вокруг, в том числе голос мисс Грейс, которая позвала меня к столу, я вдруг поняла, что все еще держу этот предмет, эту книгу, в руках. И я вроде как должна убрать ее куда подальше, притвориться, что ничего не было и это лишь мое большое воображение, но вторая часть меня хочет убедиться, что я все-таки не сумасшедшая. Дрожащие пальцы снова дотронулись до твердого корешка и раскрыли книгу на той странице.

Нет, похоже, я все-таки сумасшедшая, потому что та строка не только осталась на месте, но и появилась новая:

Ты не могла бы так резко не закрывать меня?

У меня перехватило дыхание, внутри все завертелось. На-

верное, я была просто в состоянии тяжелого шока, так как даже не могла оторвать от строк округленных глаз.

Извини, если напугала тебя. Давай я просто спокойно тебе все объясню. Ты только ничего с книгой не делай. Ты даже не представляешь, на что она способна.

Я старалась ни о чем не думать, так как понимала – книга, или то, что в ней, читает все мои мысли и будто общается со мной. С каждым ее словом, которое вырастало под каждым моим взглядом, я понимала, что нужно успокоиться. Если я и схожу с ума, значит, это неспроста, значит, так и должно быть. Это не моя вина, это, скорей всего, ноотропы, который мама заставляет меня принимать каждый вечер перед сном. Нужно с ними завязывать. А на следующей неделе снова сходить к моему личному психологу.

У тебя есть личный психолог?

Наконец-то взяв себя в руки, я снова захлопнула книгу. И очень даже вовремя, потому что на пороге стояла мисс Грейс и сверлила меня взглядом полным недоверия.

– Что у тебя в руках? – спросила она таким тихим голосом, сделав ко мне шаг, что я почувствовала, как к горлу поднимается огромный ком. – Ия, тебе лучше оставить эту книгу здесь. Мэгги ее последний месяц из рук не отпускала.

Она стала более нервной. А ведь это лишь какой-то дряхлый блокнот.

Я посмотрела на нее вопросительно, и Мисс Грейс это заметила. Какой еще блокнот?

– Вот, смотри. – Она быстрой походкой подошла ко мне и, вырвав из рук «Илсилензио», указала пальцем на первые страницы, текст которого я только что прочитала. – Видишь? Здесь абсолютно пусто, ни единого слова. Обычный блокнот. А моя девочка в последние дни перед смертью ходила с ним, иногда просто уставившись на пустые страницы. Ты считаешь это нормальным?

Я не сводила взгляда с текста под ее пальцем и не понимала: неужели она его не видит? Она продолжала смотреть то на книгу, то на меня, ожидая моих дальнейших действий. Но я уже приняла решение.

Отойдя подальше от мисс Грейс, я подняла с кровати свою сумку и начала удобнее раскладывать туда фотографии, перед тем как уйти. Она в свою очередь стала безостановочно кивать, внимательно наблюдая за моими действиями.

– Правильно, правильно, Ия. А от этой книги я лучше избавлюсь.

Накинув сумку на плечо, я подошла к мисс Грейс, быстрым движением забрала у нее книгу и прижала к себе. Не успела та как-либо среагировать, как я виновато взглянула на нее и рывком вышла из комнаты, направляясь к выходу.

Я не знаю, схожу ли я с ума. Но я точно знаю: если это так, то я схожу с ума так же, как и Мэгги в свое время. Может быть, это и послужило той аварии, из-за чего она погибла. А может, эта книга как чудо свалилась ей на голову и в последние дни с ней происходило что-то невероятное, такое, что она тщательно пыталась от всех скрывать, чтоб эту книгу ни за что у нее не забрали, и она бы все потеряла. А может, тот, кто в этой книге, и есть Мэгги. Я не знаю. Все это звучит нереально и нелепо, но после того, что я увидела насчет этой книги, я уже готова поверить во что угодно. И я уверена, то, что эта книга сейчас у меня, – это правильно. И в том, что это за книга, теперь я полностью готова разобраться.

Глава 9

С бешеной скоростью снимая сапоги, швыряя один за другим на пол и оперевшись рукой о дверь, я поймала себя на мысли, что Билл еще не пришел. Значит, я могла спокойно подняться в свою комнату и остаться наедине со своей нездоровой психикой и дьявольским предметом под названием «Илсилензио» (наверное, только моя вечная любовь к книгам дала шанс этой).

Как бы не так.

– Ия, наконец-то ты пришла. – Мама подбежала ко мне, вся светясь от радости и держа перед собой скромную коробку от конфет с маленькой прикрепленной запиской. – Это тебе. Пришел очень симпатичный молодой человек и просил передать. – Она с блеском в глазах подмигнула мне. – Кто бы мог подумать!

Я заглянула в записку.

«Прости. Остин».

– Это, случайно, не тот мальчик, которому ты нравилась в третьем классе? А я вижу, он настырный. Как жаль, что у тебя аллергия на шоколад. – Мама сделала фальшивое грустное выражение лица, на котором вскоре снова заиграла улыбка. – Ты ведь не против, если я чай с ними попью?

А, все ясно. Я слегка улыбнулась ей в ответ и покачала головой.

Мне нужно в свою комнату. Даже несмотря на то, что дрожь в теле еще не прошла с того момента, как я в последний раз открывала книгу, мне нужно снова к ней прикоснуться, и я не хочу медлить. Но стоило мне сделать шаг вперед, как мама преградила мне дорогу.

– Ия, послушай. Ты в последнее время такая замкнутая в себе, и мы давно не общались. Я так за тебя нервничаю, даже с работы сегодня отпросилась. – Она пожала плечами, этим отвечая на вопрос, почему она здесь. – Я заварила себе чай для успокоения, добавив каплю снотворного, так как из-за нервов совсем не высыпаюсь. – Сощуриив глаза, а потом открыв их, она дала мне возможность увидеть ее красноватые белки. – Я бы очень хотела, чтобы ты немного посидела со мной. Думаю, тебе он тоже не помешает.

Не дожидаясь ответа, она обернулась и направилась на кухню, этим приглашая меня за собой и давая понять, что у меня есть только один выбор и она не принимает отказа.

Мама не чавкала, но в доме царила такая тишина, что я слышала каждое ее причмокивание во рту, как она жевала и глотала конфеты, запивая все горячим чаем и вытирая испачканные шоколадные пальцы салфетками. Не дожидаясь, когда моя кружка быстрее остынет, я делала маленькие глотки, то и дело мельком поглядывая на часы в гостиной. Я достаточно сильно задержалась, так как скоро должна прийти мамина любимая «хрюшка», которой мы должны усту-

пить чуть ли не весь дом. Но я была благодарна, так как чай действительно меня успокоил. Надеюсь, поднявшись в свою комнату, я не рухну на кровать в сонном состоянии, едва приблизившись к ней.

– Ну что, как все прошло? – снова заговорила мама. Похоже, конфеты ей немного поднадоели, она отодвинула их от себя. – Ты нашла выход с этой мертвой девушкой? Книга помогла?

Округлив глаза, я подавилась чаем и начала быстро откашливаться, прикрывая рот руками. Откуда она знает про книгу?! Откуда она знает, что книга, возможно, может помочь узнать про смерть Мэгги?!

Только когда кашель прошел и я снова смогла сидеть спокойно, а в голове все пульсировало, я заметила, что мама смотрит на меня как на гиену, которая расхохоталась на пустом месте и выглядит как подпрыгивающая игрушка на пружинах.

– Ия, я о Джульетте. Ты сегодня справилась на репетиции? Я же тебе говорила, что способ из моей книги для помощи немым может помочь. Все прошло хорошо?

Я выдохнула с облегчением и показала ей кулак, выставив большой палец вверх, этим говоря, что все прошло лучше некуда. Даже если это не так. Я уже хотела снова взяться за свой чай, но вовремя передумала. Лучше к нему больше не прикасаться.

– Не ври мне, дорогая! – она говорила со злостью в голосе,

отчего я сразу снова стала серьезной, но в ее глазах было волнение и беспокойство. – Мне позвонил мистер Ламберте сразу после того, как ты убежала с урока. Он сказал, что ты упала в обморок прямо на сцене.

Последние слова звонко сорвались с языка. Я опустила голову. Недолгое молчание, и мама продолжила уже более тихим и заботливым голосом:

– Ия, что с тобой? Ты ведь столько раз выступала на сцене, и никогда ничего подобного не происходило. Ты, случайно, не заболела? – Она привстала и прикоснулась ладонью к моему лбу, но я тут же подалась назад, чтобы она меня отпустила. – Куда ты?

Я хотела уйти, подняться наверх и спрятаться от всего мира, но я знала, что мама очень беспокоится и я не могу снова убежать, ничего ей не сказав. Вытащив телефон, я очень медленно, обдумывая каждое слово, набрала текст и нажала на микрофон. Я не хотела ей врать.

«На сцене я всегда думаю о Мэгги, и это помогает мне, но в этот раз в голову лишь лезли сцены той аварии, и я незаметно для себя потеряла сознание. Но ты не волнуйся. Все налаживается. Я со всем смирилась и начинаю справляться. Скоро я смогу это пережить».

Когда голос с телефона передавал мои слова, я не сводила глаз с мамы. Она сидела вся напуганная и уставшая, как в прошлую ночь, но с каждым словом я видела, что ей становилось лучше.

Как только все было сказано, я поцеловала маму в макушку и направилась в свою комнату, потихоньку прибавляя шаг.

Нет, все-таки я ей во многом соврала. И кажется, вру я теперь уже не только всем знакомым, но и самой себе.

Глава 10

Ну так что? Мы можем начать игру? Ты все правила уже прочитала.

Подожди, сначала мне нужно задать пару вопросов.

Я приняла удобную позу на высокой кровати и держала книгу двумя руками. Устроилась я, предварительно переодевшись в любимые леггинсы, а большой свитер оставила на себе, прикрыв окна шторами, будто старательно подготавливаясь к какому-то ритуалу.

Для начала скажи, кто ты?

Серьезно? Ты точно прочитала первые страницы? Там ведь написано, что тот, кто проиграл, становится узником книги, попадает в нее.

Нет, я имею в виду: как тебя зовут? Кем ты была? Из-за чего ты в нее попала?

Оу. Я этого не помню, я ничего не помню. В тот момент, как я очутилась здесь, мне стерли память и вложили всю информацию, которую я должна знать, то есть все о самой игре.

Ты ничего не помнишь?

Я бережно погладила обложку книги. Мне стало безумно жаль эту девочку. Я даже не могу представить какво это, когда твой разум попал в какой-то предмет, к которому вряд ли уже кто-то прикоснется, без прошлого и, возможно, будущего. И все, что ты можешь, это только помочь следующему игроку выиграть. А это ведь почти что невозможно. Читая инструкцию вначале, я не упустила момент, что в игре еще никто не побеждал. И ничего ужаснее этого быть не может. Хоть сдавайся на месте.

Даже свое имя?

Имя? Я... Я помню, что меня зовут Гвен. Да! Меня так зовут. А ведь утром и этого не помнила... Надо же...

Получается, и про Мэгги ты мне ничего не можешь рассказать...

К сожалению. Мне это имя совершенно ни о чем не говорит.

Громкий хлопок дверью на первом этаже.

– Миссис Андерсон! Вы сегодня решили остаться дома? Правильное решение! – слышался пронзительный голос Билла.

Спрыгнув с кровати, я заперла дверь на щелчок и верну-

лась на место.

Это еще не все. Почему то, что написано в книге, вижу только я?

Эта игра создана для тех, кто испытывает душевную боль, ведь она помогает им от нее избавиться. Если ты видишь, что написано в книге, ты подходящий игрок. Но еще...

То есть, мисс Грейс не так расстроена, как я?

Ия, дочитывай до конца! Ты что, про правила забыла? Ты должна меня слушать, точнее читать и слушаться.

Если мисс Грейс – мать Мэгги, то ей так же больно, как и тебе. Просто ты открыла книгу первой. Играть в игру два человека одновременно не могут.

Поэтому я смогла, после того как Мэгги погибла...

После этого на страницах какое-то время больше не появлялись строки, но совсем недолго.

Ты готова? Только загадай желание, и мы можем начать.

Я уже давно решила.

Холодные руки с прозрачным лаком на ухоженных ног-

тях снова скрылись в рукавах свитера. Как же страшно, и одновременно появляется жуткое желание поскорее начать. Но вдруг я останусь среди тех, кто проигрывал, и сама же попаду в книгу, а Гвен всего-навсего исчезнет? А ведь я так хочу помочь обеим.

Я хочу вернуть Мэгги к жизни. Целой и невредимой.

Отличное желание, хоть и немного жуткое, но лучше, чем всякие материальные просьбы. А теперь послушай внимательно.

Когда в твоей душе появился большой осколок после трагедии, ты забыла много важных вещей, это и убивает тебя изнутри. Ты должна их вспомнить. Я вижу, что у тебя доброе сердце, и, к счастью, у тебя забытого не так много. Поэтому я верю, у тебя есть шанс победить. Когда ты все вспомнишь, станешь лучше, а книга закончится, и при этом ни одно правило не будет нарушено – твое желание исполнится, а я выберусь на свободу. Все ясно?

Абсолютно.

Я почувствовала бабочки в животе и какое-то умиротворение. Я уже не боюсь эту книгу, а понимаю, что это настоящее чудо. Я рада, что случайно наткнулась на нее. Впервые мое ужасное любопытство сыграло мне на пользу. И все на самом деле наладится.

С чего начнем?

С самого легкого. Ты должна научиться справляться. Попробуй завтра весь день не заострять внимание на том, что у тебя нет голоса. Постарайся справиться со всем, что тебя будет ждать, всеми возможными способами. Не жалея себя, а наслаждайся этим днем, ведь это всего лишь одна из трудностей, которые имеют люди. Если другие преодолевают это, то и ты сможешь.

Вечер наступил очень быстро. Не ужиная и ни разу не спустившись на первый этаж, я решила улечься спать. День был очень долгий и насыщенный. Или это просто снотворное так сработало. Запрыгнув под одеяло в темноте, я включила на тумбочке лампу, которая тусклым светом позволила мне лучше разглядеть темную книжонку, которую я тут же раскрыла.

Ночь прошла так быстро?

Улыбка на моем лице пустила в ход мелкие ямочки. Нет-нет, я просто хотела кое-что уточнить.

И что же это?

Если спустя время ты вспомнила свое имя, значит, есть

возможность, что позже и все остальное ты сможешь вспомнить? Просто мне уж очень интересно узнать о том, как вы с Мэгги общались.

Зачем тебе это? Книга никак не связана с той автокатастрофой. Это уже абсурд.

Да дело не в этом...

Махнув густым хвостиком на голове, я на какое-то время задумалась. Ощущение небольшой обиды и угрызения совести преследуют меня на протяжении двух месяцев и все не могут утихнуть.

Я в легком замешательстве, и мне безумно интересно, что за душевная травма заставила ее связать себя с игрой? И почему я не была в курсе всего этого?

Глава 11

– Я не хочу ходить в школу, – ковыряясь маленькой чайной ложкой в йогурте, Софи все утро возмущалась по поводу системы образования в своей детской манере. – Почему я должна тратить огромную часть своей жизни на то, что мне может не пригодиться потом? – для пяти лет ее аргументы звучали убедительно.

– Но мы ведь с папой ходим на работу и не ноем, и ты сиди и ешь молча, а то опоздаем, – прошептала мама, придерживая трубку телефона рукой, а потом снова вернулась к разговору со своим начальством.

– И это очень важно для будущего. Благодаря работе мы сможем купить тебе такие чудесные подарки на день рождения, – папа ее подхватил, закрыв бедром холодильник. Я уже доедала свой йогурт с черешней, наблюдая за этим «политическим собранием».

– Но нам-то в школе за эти мучения деньги не платят, – промычала Софи и от отчаяния медленно скатилась с барного стула.

Закончив разговор по телефону, мама поставила на место домашний телефон и с возмущением рявкнула на нее:

– Ты поела? Я же сказала, что мы опаздываем! Бери свой рюкзак – и на выход! Уоррен, напомни мне, пожалуйста, адрес той пекарни, в которой мы были на прошлой неделе. Мне

нужно будет заехать туда после работы.

Папа смотрел на нее словно на стену, будто не понимает, о чем она.

– Уоррен, я же просила запомнить адрес. Ты снова решил проигнорировать меня?

Тут я поняла, что помню адрес, но не уверена в своей правоте, да и как я скажу об этом? Телефон в сумке, а блокнот не с собой, так как сегодня я в юбке без карманов. Вдруг меня озарила мысль. Спустившись со стула, я побежала в свою комнату, а вернулась уже с красочным флаером, который мне подсунули рядом с той пекарней. На нем и адрес, и варианты скидок, и объявление о новых булочках со всевозможными начинками.

Я протянула флаер маме, она тут же засветилась и слегка приобняла меня.

– Спасибо, родная, что бы я без тебя делала?

С этими словами она мельком взглянула с недовольством на папу, надеясь, что я этого не замечу.

Такая мелочь утром, а я уже чувствую себя нужной.

После урока информатики я была по-настоящему довольна собой.

На уроке проходила контрольная, на вопросы которой только я знала ответ. Так как на каждой парте был свой компьютер, я просто напечатала на нем все ответы и наблюдала, как все смешно вытягивались из своих парт, чтобы удачно

списать. Многие поблагодарили и пообещали за это по шоколадке. В том, что я отличница, есть и свои преимущества. Хоть у меня на шоколад аллергия, все равно было приятно.

Найдя пустой столик, я села в столовой с полным подносом полезной еды. Может быть, из-за этого я довольно худая, поэтому и прячу свое костлявое тело под большими кофтами. Как бы мне ни говорили, что многие могут мне только позавидовать из-за моей фигуры, я знаю, что это не так. Уютный черный свитер, заправленный под джинсовую юбку на высокой талии, кеды на высокой платформе (у меня к тому же низкий рост), и волнистые волосы, которые постоянно приходится убирать за ухо, так как они вечно лезут на лицо – вот мой сегодняшний образ. Мило, но сочный бургер все-таки хочется. На самом деле я просто не могла его попросить у поварихи, а моя попытка тыканья пальцем на бургеры, лежащие слишком далеко, оказалась провальной.

– Привет, я присяду? – отстранившись от салата с кинзой, я подняла голову.

Кейси добродушно смотрела на меня, выставив перед собой свой поднос. Приподняв брови от удивления, я обвела взглядом столовую. Столько свободных столов, а она решила сесть именно ко мне. Остановив глаза снова на Кейси, я кивнула, и она опустилась на скамью передо мной. Я обратила внимание на то, что на ее подносе лежал очень аппетитный на вид бургер. Затем поняла, что то, как я на него пялюсь, выглядит некрасиво, и тут же опустила голову на свое ассорти.

ти для вегетарианцев. Но, похоже, она все же заметила.

– О! Хочешь мой бургер? Я его по привычке взяла и только сейчас вспомнила, что села на диету. А ты, я вижу, сейчас готова душу продать ради него. Я понимаю, это все нервы. Так ты будешь?

Покраснев от смущения, я губами беззвучно произнесла: «Спасибо».

Кейси с Абигейл раньше были лучшими подругами. Ну, знаете, две самые популярные девушки в школе, которые проходят по коридорам как модели, и все остальные пропускают их, и каждый обязательно оглянется на них. Только в этом случае моделью с маленькой короной на голове считала себя только Абигейл.

Кейси все любили все же больше за ее необычное чувство стиля и безграничный позитив. Она всегда в хорошем настроении, а улыбка не сходит с ее лица, даже когда кто-то разговаривает с ней грубо, потому что тогда эта грубость со временем улетучивается.

Заметив это, Абигейл начала пытаться ей подражать, но её «актерскую игру» и искренность Кейси было легко различить. Наблюдая, как популярность Кейси начала расти и даже перегонять ее, Абигейл, как противная нимфа, поправляя свою невидимую корону, просто высмеяла ее на пустом месте, на глазах у всех. В своей речи она указала, что не собирается дружить с человеком, который унижает ее перед дру-

гими, хотя на самом деле делала это как раз-таки Абигейл.

Хоть заявление было и глупым, после него Кейси удалилась, ничего не сказав. Другими словами, с радостью спустилась с одного из двух престолов.

Причина, почему она мне действительно нравится: ей все равно на мнение людей. Что бы о ней ни говорили за спиной, она всегда будет хорошо к ним относиться и подсаживаться к таким, как я, только потому, что она сама этого хочет. Понятия о разделении учеников на ступени от ботаников до элиты ей не знакомы. И наверное, это именно тот идеал, к которому я хочу стремиться.

– Фиалка, героиня моя. – На стол передо мной упал пакетик M&M's, и Фрэнк плюхнулся на сиденье рядом со мной, чуть не уронив на пол мою сумку. – Извини, но все, что продается в автомате, сделано из шоколада. Я смог найти только это.

– Вообще-то, M&M's тоже из шоколада, – усмехнулась Кейси, всасывая свой сок из трубочки, отчего я одарила Фрэнка озорным взглядом.

– Серье-е-езно? – протянул он и открыл рот в испуганной гримасе, входя в роль. – Какой же я глупец! – Он звучно ударил себя по лбу, отчего мы с Кейси засмеялись. – Теперь, моя Джульетта, я смогу тебя спасти, только если пожертвую собой! Мне придется самому съесть эти шоколадные конфеты, чтобы ты осталась в живых. – С благородием жестикулируя, он забрал эти конфеты себе, и я начала ладонью бить

его в плечо, а он отворачиваться, чтобы я не попала рукой в его нулевые очки. – Ааа! Джульетта озверела от любви ко мне, помогите!

– Да что вы как маленькие дети? Фрэнк, то, что тебе вручили роль Ромео, еще не дает тебе право быть им 24 часа в сутки, – смех Кейси был как музыка для ушей, и в какой-то момент она снова стала серьезной. – Из-за вас мне тоже захотелось их купить. Я сейчас приду.

Как только Кейси отошла в сторону, наш с Фрэнком смех прекратился. Он наклонился ко мне и приложил указательный палец к губам, показывая этим, что сейчас нужно говорить тихо.

– А теперь серьезно, – произнес он. – Я не знаю, что с тобой произошло вчера на репетиции, но ты обязана прийти сегодня. Ты не должна опускать руки. И в конце концов, – его лицо съежилось от отвращения, – я не хочу играть в одной пьесе вместе с Абигейл, с этой медузой. Не только ты можешь страдать на репетициях, – прошептал он мне с ноткой юмора и раздражения.

Я ненадолго задумалась. Я все равно собиралась сегодня пойти, и не только из-за этого. Ведь я пообещала себе, что весь сегодняшний день буду стараться справляться со всем, на что способна.

– Это еще не все. – Фрэнк оглянулся на Кейси, которая с интересом наблюдала, как автомат медленно передвигает к ней пачку конфет, и снова посмотрел на меня. В его глазах

я увидела страх и неуверенность. – Я подслушал, что Абигейл собирается устроить у себя вечеринку для всех старших классов, назвав ее «Вишневый туман», на которую желательно прийти парами, и мне очень хочется пригласить туда Кейси, но я не знаю как. Ты сможешь?

Я одобрительно кивала ему после каждого слова, а последний кивок был самым уверенным и в паре с расплывчатой улыбкой на лице.

– Ух ты, вы только посмотрите, кто здесь сидит!

Мы вдвоем подпрыгнули от неожиданности. Этот противный голос заставил Фрэнка съежиться и замкнуться в себе. Веселый парень, который был тут минуту назад, внезапно испарился, и вместо него здесь теперь сидит кто-то другой. Я глубоко вздохнула, на пару секунд прикрыв веки, а затем повернулась и тут же встретилась глазами с Абигейл, лицо которой было настолько неестественным, а взгляд настолько стеклянным, что она походила на фарфоровую куклу.

– Ой, да это же Ия, – хлопая своими длинными ресницами с таким фальшивым удивлением, будто только что меня заметила, она начала с визгливым фальцетом передразнивать меня: – Это та Ия, которая: «Посмотрите, какая я бедненькая, потому что у меня умерла лучшая подруга и я потеряла голос! Пожалейте меня! Ведь я упала в обморок, потому что справиться с ролью, даже когда твоим голосом говорит другой человек, я не способна! Ой, ой, ой!» Такая бесхарактер-

ная бедняжка! – Она стала дуть мне губки, будто разговаривает с маленьким ребенком.

– Отстань от нее, – как можно громче буркнул Фрэнк, но прозвучало как-то неубедительно.

– А я у очкастых мнение не спрашивала!

Да, может быть, я и бесхарактерная, но я не бесхребетная. Поставив на колени сумку, я вытащила оттуда телефон. Я хотела напечатать текст, чтоб как можно правильнее ей ответить. Но стоило мне прикоснуться к экрану, как она выдернула его из моих рук.

– О, ты хочешь мне как-то «дерзко» ответить? Хмм. – Покрутив мой телефон между своих пальцев, Абигейл наклонилась к моему лицу так, что я почувствовала нутром, как пульсировала в ней ярость. Сквозь ее оскал и запах мятной жвачки до меня донеслись слова: – Послушай меня. На репетициях ты больше не появишься, теперь я буду блистать на сцене. Ты уже свой шанс упустила, когда твоя недалекая подружка по своей глупости сдохла. Теперь ты зарываешь, как страус, свою голову в норку и не путаешься у меня под ногами, а то я сама лично тебя туда зарою.

Выпрямив спину и слегка придерживая мой телефон у себя в руке, она сделала поворот, чтобы убедиться, что все вокруг смотрят на ее «выступление».

Внезапно для всех я ударяю ее по локтю, и мой телефон летит на пол. В воздухе я пытаюсь его поймать, но он лишь неуклюже отталкивается и ускользает в коридор.

Подняв глаза, я вижу, что Абигейл смотрит на меня так, будто прямо здесь готова меня задушить.

– Что здесь происходит? – послышался недовольный голос Кейси, на который Абигейл поворачивает голову.

Воспользовавшись ситуацией, я рывком понеслась к выходу столовой, стараясь не обращать внимание на быстрый стук каблучков за спиной.

Святые маршмеллоу! Пожалуйста, только не наступите на него!

Мой телефон летит по плитке. Стоит ему только где-то остановиться, как сразу же кто-то ногой отталкивает его еще дальше. Я врезаюсь в людей, но у меня нет времени просить прощения неизвестным еще для меня способом. Просто надеюсь на их понимание. Я бегу и приближаюсь с каждым шагом все ближе к моему телефону. Лишь бы только не упустить его из вида.

Наконец-то он останавливается, а я, переведя дух, убавила шаг, так как уже находилась близко. Но я рано обрадовалась. Рядом с телефоном остановились кожаные ботинки какого-то мужчины. Его толстая рука с серебряным кольцом на безымянном пальце медленно подняла мой телефон.

Только не это. Передо мной стоял сам директор нашей школы. Разглядывая интересный предмет в руках, он приподнял свои очки, будто не веря своим глазам.

Ну да, на моем чехле изображен дельфин, который будто

плавает в море, а глаза его движутся в зависимости от того, как его потрясти. Он у меня с десяти лет сохранился. Но это не повод так на него смотреть.

Хотя я и сама нахожусь сейчас в положении легкого шока. Наконец-то он меня замечает.

– Он ваш? – я услышала от него вопрос, после чего он снова опустил очки себе на нос.

Я в ответ кивнула и потянула руку за телефоном, но не успела взять, так как к нам за моей спиной присоединился еще один человек.

– Нет, нет, это мой! – радостно выкликнула Абигейл, положив свой локоть мне на плечо, будто мы с ней хорошие друзья, – Ия лишь помогла мне его найти.

Теперь он ей потянул телефон. Тогда я стала резко крутить головой и показывать двумя руками на себя. Директор снова дернул его к себе.

– Да вы определитесь уже в конце концов! – он возмутился. – Девочки, мне это не нравится. Вы хотите пройтись со мной в мой кабинет или мы все-таки здесь все решим?!

Мы с Абигейл переглянулись. Я чувствовала, что он все еще зла на меня, но хорошо скрывала это. Неожиданно для нас двоих она звонко расхохоталась:

– Ой, что вы говорите. Это ведь такие мелочи, не нужно прибегать к таким мерам. Просто отдайте мне телефон, а мы с моей Ией потом сами во всем разберемся. Кстати, – она распахнула глаза, уставившись на него, – вы приобрели но-

вые очки? А я сразу это заметила. Люблю людей с очками. Вам очень идет.

С этими словами она стала так нагибаться, будто болит спина, и улыбаться во все зубы. Неужели она думает, что так она выглядит очаровательно? Почему ее вообще потянуло на актерское мастерство?

Я видела, что директор замешкался и уже готов отдать ей телефон. Волнение переполнило меня, и я пыталась поскорее придумать решение этой проблемы. Руки вспотели, и все, что я могла надумать на данный момент, – закашлять.

Этим я привлекла внимание директора на меня. Затем меня осенило. Под его озадаченный взгляд я начала показывать свои пальцы на руках в разных количествах. Сначала на одной руке пять, потом на другой – два, три и еще раз два.

Это были цифры от моего пароля на телефоне. Я очень надеялась, что он меня поймет, потому что видела – Абигейл уставилась на меня как на идиотку, совершенно не догоняя, что я показываю. К счастью, директор все понял и быстрыми движениями разблокировал мой телефон. Затем с удовлетворенным выражением лица отдал мне его и со строгой интонацией произнес, обернувшись к Абигейл:

– А вас я хочу попросить зайти ко мне в кабинет.

Все, что я после этого помню: ощущение безмятежной радости, свирепый взгляд Абигейл, устремленный на меня, и дикое желание поскорее купить новый нормальный чехол для телефона.

Глава 12

На репетицию я явилась с книгой. Мне нужно было срочно кому-то высказаться насчет сегодняшнего школьного дня. В этот раз я была настроена решительно.

Если честно, я немного удивлена, что ты все-таки не побоялась прийти сюда. Ты становишься лучше на глазах.

Хочешь сказать, я трусишка?

Я пыталась мыслить позитивно, этим не показывая мою озадаченность ее словами. Мне было интересно, что она обо мне думает, мнение со стороны.

Во-первых, со мной ты не должна играть роли, ведь все твои мысли я вижу.

Во-вторых, не буду врать, ты немного труслива. И неуверенная в себе. А еще постоянно думаешь о плохом и вечно на все жалуешься.

Все, все, я поняла. Можешь не продолжать.

Я ожидала совсем не этого. Лучше бы не спрашивала. Я оглянулась на группу. Все только собираются. Мистер Ламберте еще не пришел, Абигейл тоже. Фрэнк помахал мне ру-

кой и жестом позвал сесть рядом с ним. Я махнула рукой в ответ, опустила брови и заметно вздохнула, притворяясь, что мне лень вставать и пересаживаться. Он иронично пожал плечами и завел разговор со своей одноклассницей.

Я опять сидела на последних рядах, чтобы никто не заметил, как я уединилась наедине с книгой. А то многие и так думают, что я теперь дружу только с книжками из библиотеки. А еще кто-то пустил слух, что я там живу. Такая глупость на самом деле.

Об этом я и говорю.

Что? Ты о чем?

Я о твоей замкнутости и неуверенности. Ты даже прячешь от всех книги, чтобы, мать моя зефир, никто ничего плохого о тебе не подумал. Потому что тогда для тебя это будет конец света.

А еще ты ужасно боишься впускать в свою жизнь новых людей...

Это мы с Мэгги придумали прикол – использовать в ругательствах сладкие слова. Тебе они не идут. Не повторяй за мной.

Ты меня хоть слушаешь?

Да, слушаю.

Я снова резко повернула голову, отбросив взгляд в сторону. Я всегда так поступаю, когда разговор мне неприятен или мне нечего сказать в ответ.

Я поняла, что ты считаешь меня плохим человеком. Но я такая сама по себе, и это нельзя изменить.

О, Ия, я не считаю тебя плохим человеком. Ты неправильно меня поняла.

Проведя рукой по лицу, я сжала в ней свой рот и с равнодушием продолжила смотреть в книгу.

Не нужно бояться принимать в свою сторону осуждения и советы других людей. Я лишь хочу помочь тебе. Ты должна ко мне прислушиваться, если желаешь снова увидеть Мэгги вживую.

Я сама не понимала, что со мной происходило. Я начинала злиться на человека ни за что. Мой разум пытался успокоиться, ведь я не хочу закончить игру прямо сейчас. Я не могла этого допустить, ведь только сегодня начала справляться. Один неверный шаг, и я окажусь на месте Гвен.

Ведь ты не всегда была такой.

Нет, всегда.

Ты стала такой после ее смерти. Тебе казалось, что ты осталась одна, хоть это и не так. Ты решила для самой себя, что, если закроешься от других, так будет проще. Но это неправильно.

Ты сама же закопала себя в эту яму. И не нужно постоянно считать, что все вокруг виноваты в твоих проблемах, все, кроме тебя.

Стараясь на этот раз не отворачивать голову с возмущением, я продолжала сидеть прямо к книге, незаметно протерев пальцем мокрое место под глазом. Я просила себя перестать сомневаться во всем, что слышу, или, точнее, читаю, а голову перестать болеть.

И запомни – плохих людей не бывает. Кто бы что тебе ни делал и ни говорил жестокого, у всех в глубине души сидит сущность, которая многого боится, есть свои проблемы, которые она может скрывать. А грубость и наплевательское отношение некоторых людей к другим – лишь проявление их слабости. Пытаясь скрывать свой страх, чтобы не показаться слабыми, они проявляют грубость на других людях. Для них это как защита.

Мои глаза засияли. Наконец-то мне стало лучше, ведь Гвен все говорит абсолютно верно. Мне стало немного стыдно, что я сама этого не понимала. Я и правда обычно вижу в людях только плохое.

Поэтому, мне кажется, Абигейл и стала так поступать с людьми. Скорей всего, когда-то с ней кто-то поступил точно так же.

При появлении мистера Ламберте мы решили поскорее начать. Все были обескуражены. Все волновались и были в нетерпении, ведь наш вагон «Так спектакль состоится?» скоро сдвинется с места.

– Я был бы счастлив быть этой птицей... – в глазах Фрэнка надежда и любовь. Он тянется ко мне, мечтая снова дотронуться до моей руки.

– Рада бы и я, да я б тебя убила частой лаской.

Однако окончательно прощай.

Прощай, прощай, а разойтись нет мочи!

Так и твердить бы век: «Спокойной ночи!»

Последний раз взглянув на своего «возлюбленного», я с трудом оторвала от него глаза и убежала за кулисы.

– Bravo! Bravo! – Мистер Ламберте встал со своего места и заплодировал нам двоим.

Абигейл была сзади него и недовольно подняла руки

с плечами, не понимая, где ее аплодисменты.

– Вы мои умнички! – быстрой походкой Ламберте поднялся к нам на сцену и обнял меня с Фрэнком. – Я знал! Я знал, что мы справимся!

– А я?! – не выдержала Абигейл.

– Ты тоже молодец, – буркнул учитель и снова повернулся к нам: – Порепетируем еще несколько раз перед выступлением, и можно считать, мы справились! – затем он устремил свой взор прямо на меня: – Посмотреть на вас приедут люди из нью-йоркского университета. Впечатлите их, и, может быть, я даже смогу поговорить с ними насчет вакансий поступления туда. В этом году у них много свободных мест. Так что не подведите меня, малыши. Хороших вам выходных!

Он снова крепко прижал нас к себе с двух стороны, после выпустил, и мы чуть пошатнулись на ногах. От радости подпрыгнув, он танцующей походкой направился в свой кабинет.

– Не думал, что рождение второго ребенка так окрылит его, – прошептал мне Фрэнк на ухо, когда мы глядели вслед мистеру Ламберте. – Надо будет поговорить с отцом дома, чтобы не приходил таким на репетиции, а то наш класс уже начинает подозревать что-то не то.

Пихнув его локтем, я рассмеялась.

Я тоже чувствовала себя потрясающе от этой репетиции. Я справилась, продержалась весь день без голоса, и это меня никак не задевало. Оказывается, это вполне возможно.

Спустившись к рядам, я начала искать в своей сумке телефон, в то время как вся группа по очереди выходила из зала. Улыбка все еще не могла исчезнуть с моего лица.

Стоило мне взять сотовый в руки, как на экране засветилось сообщение от мамы: «Ия, дорогая, у меня замечательная новость. Папа пригласил меня в ресторан на воскресенье. Вернемся поздно. Поэтому ты должна будешь посидеть с Софи весь вечер. У тебя пока есть время закачать ей какие-нибудь мультики. Только чтоб никаких квадратноголовых. Не волнуйся, скучно не будет. Я попросила Билла с вами посидеть. Будет весело. ХОХО»

Счастье длилось недолго.

Глава 13

Это утро довольно отличалось от предыдущего. Ветер, который слегка шевелил шелковые занавески на окнах, приносил с собой дух какого-то обновления. Так и хочется вскочить с кровати без какого-то желания проспать до обеда и выбежать на улицу.

Выскочив, я подняла голову, над которой раскинулось ярко-голубое небо, и почувствовала необыкновенный подъем сил. Солнечные лучи робко дотронулись до моей щеки, и я поняла, что с окончанием этого учебного года, появлением настоящих признаков весны, все изменится в лучшую сторону.

Внезапно все стало мрачным и серым. На асфальт с ускользящим потоком начали падать капли дождя. Солнце скрылось за серыми клубящимися тучами. Дождь вскоре перешел в ливень. Туман над рекой. Послышались крики перелетных птиц в небесах, и я почувствовала пробирающий до костей сырой ветер.

Я перестала видеть что-то дальше от себя на метр, так как льющаяся вода просто перекрывала мне вид. Я пыталась протирать глаза кулачками, но вода попадала туда снова и снова. Подставив ладонь над бровями, я начала оборачивается, так как сделать куда-либо шаг просто не могла. Ноги были словно приклеены к темному асфальту.

Я была готова ухватиться за что угодно, увидеть кого угодно, лишь бы произошло хоть что-нибудь. Паника во мне начала нарастать. Но затем я передумала о своей просьбе.

Ведь передо мной снова стояла Мэгги, уставившаяся на меня обеими глазами. По непонятной причине она снова виделась мне целой и невредимой, но с заплаканными глазами, из-за чего по всему лицу была размазана тушь. Она просто стояла передо мной и рыдала, бормоча какие-то непонятные мне слова.

– Что?! – я громко спросила ее. Мне уже не казалось странным, что я кричу, что во сне я не немая. Да, я уже поняла, что все это был сон. Сейчас я лишь хотела узнать, что она пытается сказать. Но каждое ее слово улетало в пустоту из-за шумного ливня, от которого я выглядела как замороженная рыбешка. Мэгги, в свою очередь, почему-то стояла сухая и невредимая. – Что?!

Я так хотела подойти к ней, но мои ноги просто не могли сдвинуться с места. Ком в горле напоминал мне, насколько я промокла и замерзла. Я пыталась отогнать от себя эту мысль. Я уверяла себя, что это всего лишь сон.

Затем поняла, что зря это делала, так как все, что было у меня перед глазами, в тот же момент рассеялось. И я проснулась.

Мои веки не спешили открываться. То, что присутствовало и в реальном мире, и в этом сне, – солнечный день. За ок-

ном и вправду была хорошая погода, так как я почувствовала на своем лице движущиеся теплые лучи солнца. Получив от этого эстетическое удовольствие, я расплылась в улыбке и прижала свой нос к бордовому вязаному кардигану. Мои руки были скрещены, а голова лежала на них.

Наверное, со стороны все выглядит так, будто я устала. Но на самом деле уснула я на всю ночь, сама этого не заметив, на кухонном столе, не просто так. Я лишь хотела немного посидеть в интернете в поисках важной для меня информации, но не думала, что все закончится именно так. Честно, я на кухнях обычно не засыпаю. Просто так вышло. А еще мне не очень стыдно. Утреннее солнце превратило это утро во что-то по-настоящему чудесное. Пока что проснулась я только с положительными эмоциями.

– Эх ты, Ия. Я ведь вижу, что ты уже не спишь. Не притворяйся. Движущиеся ресницы тебя выдают, – послышался голос мамы над ухом, которая продолжила грохотать сковородками и миксером. – Не говори, что опять учила уроки допоздна. Ты ведь знаешь, как я к этому отношусь.

Будто не зная, что еще сказать, она продолжила готовить завтрак молча, время от времени недовольно поднимая брови и мотая головой. Она всегда так делает. От этого на ее лбу появляются морщины.

Я наконец-то открыла глаза, медленно подняла голову и подставила ее под щеку.

До меня донеслись звуки нашего телевизора, к которому

Билл подключил приставку. Похоже, он сидит здесь у нас все утро, так как блюдце для чипсов на его диване почти опустело.

Вскоре на кухню сонной походкой зашел отец, и я машинально закрыла лежащий рядом со мной ноутбук.

На самом деле я, как потенциальная отличница, решила мыслить мудро, собранно и доверилась в помощи Всемирной паутине. То есть надеялась найти какую-нибудь полезную информацию насчет любопытной книги «Илсилензио». К сожалению, за всю ночь я не узнала ничего о ней, кроме того, что с итальянского *il silenzio* переводится как «тишина» или «молчание». Я пыталась уточнить именно о книге с таким названием, но ничего не выходило. Такой книги якобы просто не существует. Ни в одном книжном магазине ее нет, ни в одной библиотеке она не была замечена. Я даже не представляю, где Мэгги могла ее достать, где могли ее достать все игроки до нее. И меня больше всего интересует самый первый игрок.

Говоря вкратце, мои поиски оказались безнадежными.

– Уоррен, ты слышал? Твоя дочь вчера справилась на репетиции. Мистер Ламберте сообщил мне, что спектакль состоится и все в силе.

Мама отвлеклась от приготовления для себя горячего кофе и поставила эспрессо перед папой, который уселся рядом со мной за стол.

– Что-то в последнее время ты зачастила с ним общать-

ся, – недовольно проворчал он, проигнорировав ее первые слова, – при живом-то муже.

– Очень смешно, – мама цыкнула и удалилась с подносом своего завтрака в свою комнату (скоро должен был начаться ее любимый сериал «Скорая помощь»).

На этом обсуждение моего вчерашнего успеха закончилось. Я начала барабанить пальцами по ноутбуку, стараясь игнорировать неприятные звуки видеоигры из гостиной.

– Что-то не так? – поинтересовался отец, с хлопаньем делая глоток кофе.

Билл продолжал выкрикивать неприличные ругательские слова, убивая воображаемых врагов. Из-за его резких движений и прыжков на диване, миска с чипсами и крошками высыпала свое содержимое прямо на дорогушие яркие подушки, отчего у меня ёжилось сердце.

Я набрала на телефоне нужные слова, стараясь выражаться корректно. Но микрофон не стала включать, а просто показала текст отцу, раздраженно повернув экран в его сторону.

«Тебе не кажется, что для человека, который просто расстался с девушкой, он ходит к тебе на приемы уже слишком долго?»

Во мне смешались чувства, что это не мое дело и то, что это мое дело. Потому что отец посмотрел на меня странным взглядом, но я пыталась держаться возмущенной, ожидая его ответа.

– Ия, ты, наверное, неправильно поняла или услышала, – он не шептал, но говорил довольно тихо, чтобы наш разговор был слышен только в пределах кухни. – Он не расставался со своей девушкой. Когда я говорил вам, что он потерял ее, я имел в виду не это. Я имел в виду, что она умерла.

Вот тебе еще один удар в душу и еще одна причина снова разбудить мою совесть.

Не веря своим ушам, я похлопала ресницами и перевела взгляд снова на Билла и нашу приставку в его руке. С уходом хорошего настроения приходит напоминание о том, что я только что проснулась. Во рту почувствовался неприятный привкус, а веки потяжелели.

Нет, нет, нет. Это не может быть правдой. Я знаю какво это, когда близкий человек погибает. После этого страдают. Страдают или даже падают в обморок, что и произошло со мной. А не развлекаются целыми днями и не грубят тем, кто относится к тебе с добротой и желанием помочь. Так и поступает Билл. Я ведь такого себе не позволяю. Не позволяю ведь? Верно?

Я ловлю себя на мысли, что не замечаю, как не скрываю своих эмоций. Заметив мою реакцию, папа допил кофе и поднялся из-за стола.

– Знаешь, то, как он себя ведет, это лишь защитная реакция. Каждый человек выздоравливает по-своему.

Нет, это все неправда. Скорей всего, я была права. Да. Билл лишь во всем соврал. Как я и думала. Да. Никто

у него не умер. Это была ложь, чтобы так гнусно пользоваться папиной заботой и нашим телевизором. Он лишь лжец. Ничего святого в нем нет. Как был противной свинкой, так им и остался.

Прежде чем удалиться, папа положил руку на мое плечо и произнес уже более властным и недовольным голосом:

– Проблемы бывают не только у тебя, дорогая. Другим тоже может быть плохо. Не нужно думать только о себе. Научись и другим сочувствовать.

Вау. За последние 24 часа мне об этом сказали уже два человека.

Иногда мне кажется, что весь мир против меня, а потом я с отвращением к себе осознаю, что это я против него.

Глава 14

Стоило мне привести себя в порядок, как к нам в дверь позвонила Кейси. Блеск ее лучезарной улыбки можно было увидеть даже через окно.

Когда я появилась на пороге, то поняла, что можно снять кардиган, если мы отправимся вдвоем гулять, так как на улице было довольно тепло. Но идея остаться в джинсах и белой майке меня тоже не устраивала. Обтягивающая майка подчеркивала мою худую фигуру. Мне это не нравилось.

– Сними ее, а то вспотеешь. И ничего не думай. Ты выглядишь без нее очень даже соблазнительно, – Кейси будто прочитала мои мысли и потянула меня за руку.

Сегодня, в такой чудесный день, она захотела показать мне свое любимое место в центре города. Так сказать, сделать его постоянным для «нашей дружбы» (мы ведь, по ее мнению, «друзья»). Там, на улицах, сегодня должно было быть много народа, а ее любимая кафешка скоро должна была открываться, поэтому Кейси меня поторапливала.

В центре и правда былолюдно, но красиво. Сегодня в городе проходил какой-то праздник, поэтому все было настолько оживленным. Украшенные дома, люди в нарядных ярких одеждах. Перед глазами их непрерывное движение. Все о чем-то кричат друг другу, поют, смеются. Где-то промелькнули воздушные шары, мыльные пузыри. Игра-

ла праздничная музыка. Мой нос чуял запах сахарной ваты и кукурузы, арбуза и цветения сирени.

Кейси держала меня за руку, когда мы перебирались через толпу, чтобы не потеряться. Только сейчас я обратила внимание на то, как она выглядела. Белокурые распущенные волосы Кейси были все в мелких цветочках. Она была в белоснежной рубашке со щенятами, а голубые шорты держались благодаря тонкому болтающемуся черному ремешку.

Прохожие наступали мне на ноги, толкали, и я очень надеялась, что скоро мы доберемся до нужного места. К счастью, Кейси наконец-то завела меня в маленькую кафешку, в которой я раньше ни разу не была.

Здесь было очень уютно. Я не заметила ни одной включенной лампочки, так как они были просто не нужны. Через огромные окна проходил солнечный свет, который освещал все заведение своими лучами. Рядом с барной стойкой из светлого дерева находилось всевозможные угощения за стеклянной перегородкой: булочки с корицей и белой глазурью, пончики с разнообразной начинкой, макаруны, маффины, капкейки, пирожные и много чего еще.

Кейси подвела меня к нашему столику, после чего я остолбенела от такой неожиданности.

– Ия, – она перевела взгляд от меня к тому, кто сидел за столом, – Остин, я давно хотела вас познакомить. И вот я решила, что это очень даже подходящий день.

Было видно, что Остин тоже не ожидал меня увидеть.

Лениво подняв лежащую на столе руку, он поздоровался со мной и снова ее опустил.

Я в свою очередь иронично вскинула брови и в своей фантазии выстрелила себе пистолетом в голову.

Это просто какой-то день сюрпризов, несмотря на то, что день только начался.

Кейси заботливо посадила меня напротив него и обратилась к нам двоим, не спеша садиться:

– Так, ребята, я сейчас закажу нам молочные коктейли и присоединюсь к вам. А вы пока можете познакомиться, – напоследок улыбнувшись нам, она удалилась.

И повисла неловкая тишина.

Хоть я и пыталась показывать полное равнодушие, философски глядя в окно, в голове крутился вопрос: зачем она его сюда привела? В мыслях было несколько неприятных ответов, но я всеми силами пыталась о них не думать.

Затем я отметила, что Остин в том же положении, что и я. Он так же выглядывал на улицу и о чем-то напряженно размышлял, отчего его губа нервно дергалась, будто о чем-то говорил сам с собой, а потом неожиданно для себя зевнул и прикрыл глаза, как сонный кот. Мне это показалось милым. Я догадалась, что Остина Кейси тоже разбудила ни свет ни заря и притащила сюда. Пока Остин устало моргал глазами, я смогла его хорошенько разглядеть. Обычная серая толстовка, русые волосы благодаря лучам солнца переливаются золотистым оттенком. Когда я перешла к глазам, то по-

няла, что он тоже вылупился на меня. Взгляд свой я уводить не стала, но недовольства не скрывала, сложив руки на груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.